

Виктор Самир

Тысяча первая ночь
и утро следующего дня

Виктор Самир

**Тысяча первая ночь
и утро следующего дня**

«Издательские решения»

Самир В.

Тысяча первая ночь и утро следующего дня / В. Самир —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858546-3

Тишина багдадской ночи, благородные халифы и мудрые визири — всё это было, конечно же, только сказочным вымыслом. Но что, если одна из этих сказок внезапно станет реальностью и перенесёт своё действие в наши дни? Что, если события, которые начались 1200 лет назад, заставят весь мир замереть в тревожном ожидании, приведут в действие могущественные силы и откроют перед нами до сих пор неизвестные страницы истории? Вам предстоит узнать тайну тысяча первой ночи и встретить утро следующего дня.

ISBN 978-5-44-858546-3

© Самир В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первая ночь	8
Караван	13
Виктор	19
Сделка	28
Плато Гиза	31
Каир	33
Джон, искатель приключений	41
Что вы знаете о пирамидах?	48
Учитель	54
Так что же мы ищем?	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Тысяча первая ночь и утро следующего дня

Виктор Самир

Дизайнер обложки Виктор Самир

© Виктор Самир, 2017

© Виктор Самир, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8546-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«А после того поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха.» (Книга тысячи и одной ночи)

«Время повисло в воздухе, день казался нестерпимо бесконечным. Мутные воды Нила, вязкий берег и пальмовые рощи остались далеко позади, и не было никакого спасения от палящего солнца в зените...»

Точка была поставлена. С этих самых строк и началась эта книга – «Тысяча первая ночь и утро следующего дня». Не было ещё ни названия, ни сюжета, ни главного героя – вообще ничего. Автор только видел перед собой идущий по пескам караван, а вдали, в туманной дымке, ему навстречу открывались три величественные вершины, таящие в себе древнюю тайну. Тайну, достойную отдельной главы в сказках «Тысячи и одной ночи».

Но время сказок уже прошло. Нам, живущим в двадцать первом веке, бывает трудно или порой даже невозможно их понять. Это не только сотни лет, разделяющих нас по времени, но и совершенно другая культура, религия, история, восприятие мира. Труднее нам ещё и оттого, что мы уж слишком очарованы тем таинственным покрывалом, небрежно накинутым рукою последующих поколений на всё то блистательное время, когда посреди песков возникали шумные города; утопающие в роскоши дворцы были средоточием богатства и славы, а вдали от посторонних глаз, в тени гарема, плелись изысканные и коварные интриги...

Тишина багдадской ночи, благородные халифы и мудрые визири, тусклый свет медной лампы, невероятные похождения Синдбада – всё это было, конечно же, только сказочным вымыслом. Но что, если одна из этих сказок внезапно станет реальностью и перенесёт своё действие в наши дни? Что, если события, которые начались 1200 лет назад, внезапно заставят весь мир замереть в тревожном ожидании, приведут в действие могущественные силы и откроют перед нами до сих пор неизвестные страницы истории?

Готовы ли вы узнать, что случится, когда последняя, согретая теплом ладони песчинка, упадёт на гранитное дно саркофага?

Предчувствие исполнения древних пророчеств, неразгаданные тайны и головокружительные приключения ждут вас на страницах этой книги. Они воплотятся в тысяча первой ночи, а последняя загадка будет открыта лишь утром следующего дня. Хотя нет... Последняя загадка всегда должна оставаться неразрешённой. Но именно так оно и должно быть – если вопрос задан, то дверь всегда должна оставаться открытой, чтобы потом можно было вернуться за ответом. Автор надеется, что, прочтя эту книгу, вы также почувствуете в себе потребность снова войти в эту дверь и уже никогда не возвращаться без ответов на свои вопросы. Итак, приключение начинается. Вас ждёт самая первая ночь...

Автор заранее приносит свои извинения за возможные неточности и недостоверности, присутствующие в этой книге. Искушённый читатель найдёт здесь при желании множество несовпадений и нестыковок; возможно, даже и непростительных ошибок. Вполне вероятно, что рукопись весьма далека от исторической правды и общепринятой картины событий. Но целью данного изложения было отнюдь не составление главы для учебника истории и не участие в ученом диспуте. Автор всего лишь пытался через художественный образ сделать содержание лёгким и доступным для неподготовленного читателя, коим он и сам не так давно являлся. Для получения достоверной информации по многим вопросам, затронутым в этой книге, следует обратиться к более серьёзной научной литературе.

Некоторые персонажи из данного произведения немного похожи на вполне реальных и достаточно известных людей. Автор, конечно же, изменил имена, но кое-кого можно будет узнать даже и без имени. Автор надеется, что эти несущественные совпадения не нанесут вред репутации и доброму имени кого-либо из ныне живущих. По крайней мере, фараон Хеопс уж точно не пришлёт к нему своего адвоката...

И ещё одно необходимое дополнение. Эта книга была начата в 2009 и закончена в 2011 году. С тех пор много воды утекло. Полностью изменился весь Ближний Восток. Нет уже того Египта; на месте Сирии, Йемена и Ирака – failed states, государства-призраки, на территории которых идёт непрекращающаяся война. Нарастает напряжение вокруг Ирана. В Турции чуть было не случился военный переворот. Ничего подобного и близко нельзя было предположить на момент написания книги. Отчасти это делает её немного неактуальной и устаревшей. Но есть в ней и то, что навсегда останется неизменным – это те самые три величественные вершины, таящие в себе древнюю тайну. Им не суждено испытать перемен. Всё может измениться. Всё будет забыто. Но пирамиды будут стоять вечно.

Приятного вам чтения!

Первая ночь

«Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить, и царь пощадит меня!»

– Сегодня твоя первая ночь. Но если ты не заговоришь, то она вполне может стать твоей последней...

Незнакомец, казалось, не слышал его слов. Генерал Рашид пристально посмотрел на человека, сидящего перед ним в центре комнаты. Ему не раз приходилось вести допросы, и он всегда мог безошибочно определить, где найти слабое место и как правильно начать дело, чтобы получить нужные ответы. Иногда человек был виден с первого взгляда, и разговорить его не составляло большого труда. Иногда попадались настоящие кремни, и тогда, после долгого молчания, приходилось прибегать к мерам, которые он сам называл «действенными». Так или иначе, но он всегда узнавал всё, что ему было нужно. Однако в этот раз он был предельно осторожен и предпочел сначала внимательно изучить, что за человек оказался в его власти.

На вид незнакомцу было что-то около сорока лет. Европейец, скорее всего, из Восточной Европы. Одет он был по-местному, и это сразу бросалось в глаза какой-то своей театральной нелепостью. На улице его сразу бы выделили из толпы, даже не видя лица. К происходящему он был безучастен; ни суета людей вокруг, ни вид направленного на него оружия, похоже, нисколько его не волновали. Было видно, что он весьма ослаб и последние несколько дней провел без сна и отдыха. Солдаты, озлобленные ночным нападением, уже успели над ним поработать – лицо задержанного представляло из себя один сплошной синяк. Видать, здесь также нашлись свои специалисты по «действенным» методам и быстрым допросам. Он сидел неподвижно и смотрел прямо перед собой невидящим взглядом. Человек не проронил ни слова с того самого момента, как оставшиеся в живых гвардейцы подобрали его на краю дороги после ожесточенного столкновения с группой подозреваемых. Впрочем, теперь уже не подозреваемых, а вполне конкретных преступников – дерзких, отчаянных и отлично подготовленных, судя по тому, с какой легкостью им удалось положить половину отряда национальной гвардии.

В последние дни военным руководством были приняты повышенные меры безопасности, и в патруле стояли далеко не новобранцы, а бывалые солдаты, прошедшие усиленную подготовку и имевшие опыт боевых действий. Но всего лишь несколько минут боя – и джипы с нападавшими растворились в темноте пустыни, оставив после себе горящие грузовики, тела солдат и ещё этого странного человека в пыли на дороге. Само по себе вооруженное нападение на правительственный пост было из ряда вон выходящим происшествием, но в данном случае ситуация усугублялась ещё и временем его возникновения. Через несколько дней миллионы людей со всего света начнут прибывать в Королевство, и внимание всего мира будет приковано к этому месту. Нельзя будет допустить даже малейших проявлений нестабильности. Похоже, что у людей, стоящих гораздо выше генерала Рашида, были все основания предполагать и опасаться, что эта ночная вылазка – всего лишь начало других, гораздо более серьезных событий. Неслучайно его подняли среди ночи и спешно перебросили спецрейсом с южной границы, где он успел зарекомендовать себя эффективными мерами по подавлению сепаратистов.

Генерал вновь посмотрел на заключенного и жестом подозвал к себе коменданта военной базы:

– Уберите отсюда охрану и снимите с него наручники. Полагаю, что в таком состоянии он нисколько не опасен.

– Генерал..., – в голосе полковника звучала растерянность, – мы не можем их снять... У нас нет ключей.

– Что значит – нет ключей? Вы нацепили на него наручники, зная, что не сможете потом их снять? И я смотрю, ваши солдаты позволили себе лишнего... – генерал гневно указал на окровавленное лицо пленника. – Они что, били безоружного?

– Никак нет, генерал! Он уже был таким, когда мы его взяли на дороге. Мои парни и пальцем его не тронули. И это не мы надели на него наручники!

«Вот так сюрприз!» – подумал Рашид. Значит ли это, что мы имеем дело не с одним из них? Выходит, что среди нападавших его свобода была нежелательной, возможно, даже опасной. И действительно – человек европейской внешности со следами побоев и в наручниках никак не мог быть в числе нападавших. Тогда кто же он? Заложник? Случайный свидетель? Но почему тогда он упрямо молчит и ни о чём не просит? Определённо, в этом деле было много странностей и загадок. Прежде всего – зачем они вообще появились на шоссе, зная, что там военный патруль, в то время как вокруг в пустыне было полно объездных дорог, которые никак не охранялись? Почему для расследования этого инцидента вызвали именно его, генерала военно-воздушных сил? Разве это его дело – разбираться с тем, что произошло на земле, да ещё и за сотни километров от места его службы? Он боевой генерал, его вертолеты сеют смерть на поле боя, а здесь что? Или война уже скоро начнётся и у стен священного города? Теперь ещё и этот непонятно чей и для чего брошенный пленник. Если от него решили избавиться, то почему попросту не убили и не бросили где-нибудь в безлюдном месте?

Из всех этих странных и противоречивых вопросов в голове у генерала постепенно начала складываться неясная пока версия... Скорее даже предчувствие, впечатление того, что всё это нападение было совершено с единственной целью – оставить этого странного незнакомца лежать лицом вниз в придорожной пыли. Случайно или намеренно, но нападавшие дали им в руки этого человека. Но с какой целью, если он всё равно молчит? И выглядит так, как будто разум навсегда покинул его тело. Для агента, внедряемого в ряды противника, он был слишком прост и вызывающе необычен. Что-то здесь было не так...

Но одно было несомненно – незнакомец какое-то время провёл среди нападавших, слышал их голоса, видел их лица, и сейчас это была единственная ниточка, ведущая к ним. И от того, как долго он будет молчать, зависело то, как долго он будет жить. И насколько успешным и скорым будет его, генерала Рашида, расследование. Генерал в задумчивости мерил шагами комнату. Необходимо всё тщательно взвесить. Конечно, он мог использовать в отношении него «действенные» методы, но, учитывая важность дела и за неимением других зацепок, рисковать единственным свидетелем было бы крайне неразумно. Кстати, а на каком языке разговаривает незнакомец?

Генерал остановился и как бы случайно, в сторону, сказал на арабском:

– Никто не знает о том, что вы здесь. Ваша судьба – в моих руках. Вам случайно не известно, как в этой стране происходит смертная казнь? Никаких гуманных уколов и апелляций. Палач просто отрубит вам голову, и она покатится вниз. Просто и эффективно. Говорят, что ещё несколько секунд мозг продолжает работать и, если голова не упала слишком далеко, то вы сможете увидеть ваше обезглавленное тело и фонтаны крови, бьющие из шеи. Немного мрачновато, не так ли? Но если этот способ показался вам вдруг слишком жестоким, то есть и одно утешение – перед тем, как тело будет предано земле, голову пришьют обратно. Вы меня слышите?

Генерал закончил говорить, посмотрел на сидящего перед ним человека, и внезапно одно воспоминание из далёкого прошлого возникло перед его глазами. На секунду ему показалось, что пленник не сидит, а стоит перед ним на коленях. Его опущенная вниз голова как будто поникла в ожидании удара; закованные за спиной руки не в силах были пошевелиться, а над его головою медленно возносилась холодная сталь клинка... Генерал осёкся и замолчал. Он пожалел, что говорил об этом в такой неподобающей манере, с каким-то оттенком цинизма. Это было то нехорошее, что он стал замечать за собой в последние годы – в вопросах жизни

и смерти для него больше не было слов «жизнь» и «смерть» – их заменили слова «живая сила» и «потери». Война и кровь сделали своё дело. Скоро и он превратится в машину для убийства...

Но для пленника, во всяком случае, ни жизнь, ни смерть не имели сейчас никакого значения. Он или не слышал того, что сказал генерал, или сказанное его несколько не волновало. Генерал повторил фразу на английском. Бесполезно. Пленник молча смотрел в пол прямо перед собой и никак не реагировал. Появился комендант базы:

– Звонок по спецлинии. Это вас.

Следующие несколько минут Рашид молча выслушивал голос на другом конце провода. Информация давалась кратко и по-военному чётко. Поставленная задача была ясна, и сроки названы с точностью до минуты. Обычный армейский протокол. Однако на этот раз привыкший за годы службы к приказам и распоряжениям генерал уловил в голосе своего высокопоставленного собеседника какую-то тревогу и неопределённость. Ему явно не всё сказали.

– Слушаюсь...

Он медленно положил трубку. Да, пожалуй, сценарий развивается по худшему варианту. Теперь и у него, и у этого незнакомца уже не было выбора. Потому как результат нужен был немедленно. И ему придется подчиниться и выполнить приказ. С другой стороны, это снимает с него ответственность за выбор. Но не освобождает от неприятной работы.

Из того, что он услышал по телефону, его опасения только подтвердились. Дело действительно принимало весьма серьёзный оборот и контролировалось теперь на самом высоком уровне. Последние несколько недель в региональный штаб стекалась информация о группировке фанатиков, готовящих некую масштабную акцию. Подробности и место её проведения были неизвестны. Конечно же, люди из разведки предполагали, что именно в этот период возможны всякие вылазки и теракты, но представить себе такое начало не мог никто. Если недавнее ночное нападение имело отношение к планам этой таинственной группы, то их последующие действия могли быть ещё более кровавыми.

Одно предположение, в котором он сам себе боялся признаться, настойчиво возникало в его памяти. Воспоминание, которое он никак не мог забыть. Он никогда не хотел в это верить, но в то же время знал, что рано или поздно это может повториться. Или должно будет повториться. Но генерал решительно отгонял от себя эту мысль – нет, сейчас это невозможно! Из тех событий несомненно извлекли уроки и приняли меры. И самый главный, по его мнению, урок заключался в том, что вторая подобная акция поставит под сомнение само существование Королевства как государства. И он сразу же вспомнил своего отца...

В этот день, тридцать лет назад, его срочно вызвали по тревоге. Он ушел и больше уже никогда не вернулся. Им сказали, что он погиб во время третьего штурма, когда после двух неудачных попыток, захлебнувшись в крови, было принято решение отправить в бой тяжёлую технику. Отец был в одном из тех бронетранспортёров, которые первыми вошли в разбитые ворота мечети. Но им не удалось продвинуться дальше – мятежники блокировали их передвижение в узком коридоре. Механик-водитель безуспешно пытался увести назад ставшую вдруг уязвимой машину, забитую до отказа испуганными солдатами. Через перископ смотрового прибора он с ужасом видел, как навстречу их бронетранспортёру открыто, ничего не опасаясь, шел один из повстанцев – молодой человек с правильными изящными чертами лица, с двумя пулеметными лентами на груди. В одной руке у него была канистра, в другой – горящая тряпка. Запоздало застрочил пулемет, поднимая в воздух фонтанчики расколотого мрамора из-под ног идущего безумца. Но, как ни странно, пули не достигали цели – неуязвимый для них, он продвигался всё ближе и ближе. Через секунду по броне машины послышались удары от днища канистры, а ещё через мгновение внутрь проникли клубы густого едкого дыма. Водитель продолжал давить на газ, БТР бросало из стороны в сторону, люди в десантном отделении в панике пытались справиться с кормовой дверью в поисках выхода. Наконец кому-то удалось откинуть крышку верхнего грузового люка. Но не успели они выглянуть наружу, как в открыв-

шийся люк тут же влетела бутылка с зажигательной смесью. Брызнуло пламя, обезумевшие солдаты в муках корчились внутри этой огненной печи. Под плотным огнём повстанцев никто не рискнул прийти к ним на помощь. Вскоре всё было кончено...

Лишь через несколько часов обугленную машину удалось оттащить бульдозером в безопасное место и заглянуть внутрь. То, что творилось внутри бронетранспортёра, невозможно было передать словами. Только пламя ада могло бы сотворить такое. Маленькому Рашиду и его матери не сразу удалось опознать обгоревшее до неузнаваемости тело. Одно утешение осталось его семье – ворота Рая в те дни были открыты, и отец, несомненно, прошел через них. Именно тогда Рашид и принял решение связать свою жизнь с армейской службой.

Да, неплохо было бы сейчас подтянуть сюда несколько подразделений с йеменской границы. Там как раз наступило затишье. А что, если это уловка нападавших, чтобы отвлечь внимание? Эти экстремисты пойдут на всё ради осуществления своих безумных планов. Недавняя бойня в Каире, подробности которой до сих пор смакуют новостные агентства, – лишнее тому подтверждение. Черт знает что там творилось, мистика какая-то...

Генерал понял, что отвлекся и собрался с мыслями о текущем деле. В его распоряжении было всего лишь несколько дней и ночей. И первая ночь обещала быть длинной. Или всё-таки день? Возможно было и то, и другое – командный пункт располагался глубоко под землей, и ни один звук или луч света не пробивался сюда с поверхности. Но что бы там ни было снаружи, ему пора действовать. И, скорее всего, придется использовать самый действенный метод из его арсенала.

– Вызовите сюда офицера медицинской группы. Найдите диктофон, камеру. Если он заговорит, а в этом я не сомневаюсь, то ни одно слово не должно быть потеряно.

Прибывший медик некоторое время осматривал заключенного и удивленно что-то бормотал себе под нос. Вероятно, его состояние также показалось ему странным. Затем он разрезал ножницами рукав и тут же повернулся к генералу:

– Смотрите, здесь следы от инъекций. Похоже, это объясняет его состояние. Он скорее всего под действием какого-то сильного препарата, подавляющего восприятие. Он нас не слышит и не видит, хотя внешне выглядит вполне адекватно. Впервые такое вижу!

– Как долго это может продлиться?

– Судя по венам, его кололи несколько дней подряд. Нет реакции на звук, свет, болевые раздражители, температура тела понижена, пульс как у покойника. Честно говоря, я не знаю, какая дрянь может вызвать такие симптомы! Нужен анализ крови и стационарное обследование. Боюсь, что в ближайшие часов восемь-десять, а то и больше, он не придёт в себя.

– К сожалению, нам придётся его как-то взбодрить. Вколите ему двойную порцию сыворотки!

– Виноват, генерал, вы имеете в виду ту самую сыворотку? Но... Мы не знаем, чем его уже напичкали и какая может быть реакция! Получится черт знает какой коктейль! С учетом того, что уже есть в его крови, он может этого и не перенести.

– У нас нет времени на анализы. Выполняйте команду!

– Слушаюсь. Но вряд ли от этого будет польза. Если это его и не убьёт, то он, скорее всего, начнёт говорить. Но что при этом будет рассказывать – одному богу известно... Вероятно, это будет полный бред.

Ну что ж, подумал генерал, скоро мы это узнаем. Примерно через десять минут *Sodium thiopental* начнёт действовать, подавляя в коре головного мозга сложные мыслительные процессы, которые всегда сопутствуют попыткам личности изобрести ложь в сокрытие правды. Так уж устроен человек – когда он врёт, его мозг предельно концентрирует свою деятельность, а изопрённый химический препарат помогает притупить его активность, делая человека более податливым и сговорчивым.

Время томительно тянулось. Прошло пять, десять минут, но никаких заметных перемен в состоянии незнакомца не было видно. Медик нервничал, подключенный прибор выдавал строгие пики импульсов, не то сердцебиение, не то давление. Рашид терпеливо ждал привычного результата. Обычно уже на седьмой минуте под действием сыворотки люди готовы были выложить все свои самые сокровенные тайны.

Внезапно прибор запищал, импульсы на экране стали реже, стремясь к линии; медик растерянно и беспомощно смотрел на цифры:

– Температура тела падает! Это невозможно! Он уже должен быть мёртв!

Когда линия стала совсем прямой, генерал запрокинул голову заключенного и посмотрел ему в глаза. Они медленно угасали. Даже без прибора рука ощутила холод остывающего тела. Рашиду не раз приходилось видеть смерть, но сейчас ему стало как-то не по себе. Это было несколько иначе, чем на поле боя. Генерал понял, что его так поразило – на лице незнакомца не было ни тени боли или страданий, столь свойственных насильственному прерыванию жизни. Не было также и удивления, которое часто испытывают люди в последние секунды перед смертью. Удивления от того, что это происходит именно с тобой. Вот ты ещё жив, а на следующем вздохе – уже мёртв. И глаза становятся пустыми... А здесь человек просто уходил, без надрыва и потрясений – так, как будто он был запрограммирован на этот день и на это время, и заранее ко всему был готов.

– Его ещё можно спасти, – медик ожидал команды, – нужна срочная реанимация. Если нам повезёт и мозг ещё не повреждён, то через несколько дней мы сможем продолжить.

– Через несколько дней будет поздно. Да и не вижу никакой разницы, что живой, что мертвый, он всё равно молчит. Уберите с него провода. Вы свободны.

Они остались в комнате одни. Точнее сказать, он остался один, потому как незнакомца уже нельзя было назвать человеком в духовном смысле этого слова; сознание окончательно покинул его тело и теперь оно мешком висело на стуле.

Рашид ещё раз подошел и посмотрел ему в глаза. В них не было видно ни малейшего проблеска мысли. «Безнадёжно...» – с сожалением покачал он головой. Единственный живой свидетель вскоре покинет этот мир. Они снимут с трупа отпечатки пальцев и тайно похоронят его в пустыне. Значит, на то была воля Всевышнего. Генерал подошел к столу и нерешительно взялся за трубку телефона. Придётся сообщить о своей неудаче. Он не торопился набирать номер. Надо было найти правильные слова и предложить какое-то решение проблемы. Но, как назло, никаких дельных мыслей не приходило ему в голову. Только вопросы, вопросы без ответов вставали перед ним в бесконечный ряд.

Прошло ещё несколько минут тишины и одиночества. Как вдруг он почувствовал на себе взгляд. Именно почувствовал, что он уже здесь не один. Генерал медленно повернулся. Сомнений быть не могло – незнакомец смотрел ему прямо в глаза, и взгляд этот был хотя ещё и не живой, но в нём уже виднелась какая-то просьба и искорка жизни. А затем его пересохшие губы попытались что-то сказать...

Генерал быстро пододвинул микрофон, включил запись и наклонился поближе, чтобы услышать первые слова незнакомца:

– Воды... Воды... Дайте мне воды...

Караван

*Звон на верблюдах, ровный, полусонный,
Звон бубенцов подобен роднику:
Течет, течет струёю отдаленной,
Баюкая дорожную тоску.
Давно затих базар неугомный.
Луна меж пальм сияет по песку.
Под этот звон, глухой и однотонный,
Вожак прилег на жесткую луку.
Вот потянуло ветром, и свежее
Вдохнула ночь... Как сладко спать в седле,
Склонясь лицом к верблюжьей теплой шее!
(И. А. Бунин, «Караван»)*

Воды... Воды... Как хорошо было бы сейчас испить глоток прохладной свежей воды! Горячий ветер, как из огненной печи, обдавал путников густыми волнами зноя. Его редкие порывы не приносили никакой прохлады и, как кипящее масло, обжигали горло жарким дыханием пустыни. Раскалённый песок, казалось, плавился под ногами, и страшно было оставаться на одном месте. Стоило только остановиться, замедлить шаг – и тут же пески грозили расступиться и обнажить дно огромной, плавающей жаровни. Всё вокруг потеряло влагу и превратилось в камень; даже сами камни были высушены так, что уменьшились в размерах. Под яркими лучами солнца предметы потеряли свой истинный цвет, став либо тенью, либо светом. Время повисло в воздухе, день казался нестерпимо бесконечным. Мутные воды Нила, вязкий берег и пальмовые рощи остались далеко позади, и не было никакого спасения от палящего солнца в зените...

Нагруженный караван медленно продвигался всё дальше и дальше от реки; уставшие верблюды с трудом передвигали ноги. Погонщики, закутанные в длинные покрывала, проклинали долгий путь и жару. И зачем только понадобилось их правителю, властному халифу Аль-Мамуну, сыну Гаруна Аль-Рашида, собирать столько людей и гнать их на самый край пустыни? Мало ему своих дел в Багдаде...

Три дня назад, в месяц Мухаррам 217 года Хиджры,¹ караван покинул Александрию. Более ста человек погрузились на лодки и отправились вверх по реке. Подданные тихо роптали, но, зная суровый нрав халифа, боялись высказать даже малейшее недовольство. Только что вернувшись с изнурительного военного похода, они надеялись получить отдых и покой в Александрии. Позади были суровые схватки и бессонные ночи в незнакомой для них стране, где всё было так странно и необычно. Повстанцы сражались отчаянно, и даже их отрубленные головы, казалось, продолжали слать им проклятия. Но после устрашающих казней, когда десятки отрубленных голов катапультами забросили в море, порядок был восстановлен, и уже не нашлось желающих выступить против власти Повелителя правоверных. Уставшая от сражений гвардия мечтала о нескольких днях ленивой, беззаботной жизни в казармах на побережье. Но отдых был скоротечным.

Уже на следующее утро со всего города к лагерю стали собираться кузнечных дел мастера, каменотёсы, землемеры, погонщики, торговцы и прочий разношёрстый люд самых

¹ Примерно соответствует периоду с февраля по март 832 года нашей эры. Летоисчисление в исламе ведется на основе лунного календаря со своим особым временным циклом. Мусульманский год состоит из 12 оборотов луны, что на 11 дней короче обычного солнечного года. За период в 100 лет расхождение между календарями составляет почти три года.

разных ремёсел и сословий. Отовсюду несли провиант, инструменты, спешно собирали тюки и повозки. В порту уже стояли наготове снаряжённые к отплытию лодки. С самого утра Муфадди, советник Аль-Мамуна, деятельно давал указания, составлял какие-то списки, встречался с чиновниками и лично отбирал верблюдов, призывая проклятия на головы хитрых торговцев, пытавшихся выдать слабых и чесоточных животных за здоровых и сильных. Солдатам вопреки сроку выдали жалование вперёд и дали день отдыха. Сам же халиф не показывался из своей палатки, занятый важными государственными делами и размышлениями.

Похоже, что намеченное дело имело особую важность и не терпело отлагательств. Наверное, халиф задумал основать здесь новую крепость. Или город. Город в песках. Но почему в таком отдалении от реки, дающей благодатную влагу?

Возможно, ответ знал сам правитель Багдада, халиф Абу Джафар Абдаллах Аль-Мамун ибн Гарун. Но мысли его были далеко. Он направил своего скакуна, черного красавца по имени Молния, на сто шагов вперёд, чтобы не слышать крики погонщиков и шум обоза. Сейчас он думал о ней – о реке. Как же разумно, размышлял он, Всевышний создал эти воды, дающие жизнь всему Египту. Как нигде в другом месте, воды Нила были удобны для торговли и устройства сообщения между городами. Течение несёт тебя вниз. Плыви по течению. А хочешь идти вверх по реке – ставь парус, и ветер с моря легко понесёт твои суда. Большое преимущество и большая удача для государства и его правителя, думал Аль-Мамун. Наверное, не зря именно здесь, вдоль Нила, и поселились когда-то люди, чьи города и храмы хоть и засыпаны ныне песками, но всё ещё велики и несравненны. Ни на землях Аравии, ни у гор Индии нет ничего подобного им по величине и совершенству.

Халиф закрыл глаза. Солнце и размеренный шаг Молнии клонили его в сон. Река, о которой он думал, продолжала течь в его мыслях, но воды её, и без того мутные, вдруг сделались темно-красными. То здесь, то там среди волн мелькали разрубленные тела; окровавленные головы с пустыми глазами беззвучно зывали на помощь; связанные руки пытались, но не могли достать берег. Разные люди проплывали по этой реке. Одни были уже мертвы, другие ещё цеплялись за жизнь. Лица многих были ему знакомы. Вот человек в одежде халифа пытается выплыть в водовороте на середине реки. Течение сносит его в омут, тяжелое одеяние тянет ко дну, он отчаянно сопротивляется, но берег далеко. Так далеко, что отсюда не видно его лица, да, впрочем, его и не узнать – ведь отрубленная голова плывёт рядом... Аль-Мамун внезапно ощутил потребность прийти к нему на помощь, спасти того, чьё лицо ему было так знакомо, но бурный поток уже поглотил тело, река в этом месте забурилась и покраснела. Тяжелый, неприятный сон! Не приносящий отдыха и покоя, он как наказание за грехи прошлого. И с каждым прожитым годом ему всё чаще снится эта река – река крови, пролитой за годы его правления.

За свои сорок шесть лет он сполна испил из этой реки. Большая власть требовала неустанного укрепления и подтверждения. Отдалённые провинции и их наместники стремились к независимости, кровавые мятежи сотрясали окраины халифата. Византия с запада, мятежники с севера и с юга, ни одного спокойного года без войн и карательных экспедиций! Вот и сейчас, всего лишь несколько дней назад, его отряды жестоко подавляли восстание коптов². Но кроме сдерживания внешних врагов и усмирения внутренних, ему приходилось ещё решать и весьма деликатные вопросы веры. Расхождения в духовных началах являлись причиной бесконечных раздоров, а порой и кровопролитий. Неугомонные во все времена потомки дома Али, фанатики и самозванные пророки, – все, каждый по-своему толковали зёрна истины, внося смуту и расстройство в сердца правоверных. Всего-то двести лет прошло с тех

² Копты – коренные жители Египта, потомки древних египтян. Называть их прямыми потомками можно лишь условно, так как за два тысячелетия они во многом ассимилировались с многочисленными завоевателями: греками, персами, арабами.

пор, как Пророк, да пребудет с ним мир, открыл им истинную веру, а уже столько вражды и противоречий возникло на её основе!

Он не мог не вступить в эту реку. Только жестокость и сила могли ответить на все угрозы. И он воспринял это ещё с малых лет, на примере своего отца, прославленного халифа Гаруна Аль-Рашида. Тот, не задумываясь и только предположив измену, жестоко казнил своего визиря, Джафара Бармакида, бывшего ему не только советником, но и преданным другом. Голову несчастного принесли ему в покои, тело разрубили, а куски выставили напоказ на трёх багдадских мостах. Когда отец собирал гостей на пир, то среди приглашённых нередко бывали и два особенных гостя: палач с говорящим именем Масрур – «Довольный» и кожаная подушка. На этой подушке, на этом «ковре крови», в одну секунду могла оказаться голова любого из присутствующих, случись халифу захотеть этого. А случай такой предоставлялся с ужасающим постоянством. Всемогущий господин имел все основания опасаться за свою жизнь – ведь мало кто из его предшественников умер своей смертью. И там, где предвидеть будущие угрозы было невозможно, меч палача должен был блеснуть быстрее кинжала убийцы!

Сын вырос достойным отца. Он перенял от него не только страсть к наукам и искусствам, но и жестокость в делах и твердость в решениях. Возможно, он даже в чём-то его и превзошел. Его путь к власти начался с братоубийства. Немыслимый грех! С его молчаливого согласия был обезглавлен его собственный брат – Аль-Амин. Пусть они и не были родными братьями, а только сводными, но всё же это страшное преступление против одной крови не могло иметь оправдания. Почему же отец выбрал Аль-Амина своим наследником? Конечно же, он был прав – власть халифа признавалась законной по происхождению. Многие могли и даже брали её силой, но всё равно не считались истинными правителями. Аль-Мамун хоть и был старшим среди братьев, но, к несчастью, мать его была персидской невольницей, и он не мог с полным основанием считаться наследником династии Аббасидов, ведущих свой род от самой семьи Пророка, да пребудет с ним мир. Что же плохого было в его персидской крови, подумал Аль-Мамун? Ведь персы правили тысячу лет и не нуждались в арабах ни дня, а мы правим ими всего пару столетий и не можем без них и часа! Всё искусство управления халифатом построено по образу и подобию империи персов, многое взято из их обычаев и знаний, а на самых важных постах в государстве делами управляют всё те же потомки огнепоклонников.

Отец, предвидя их будущую вражду, заранее распорядился о том, кто займёт его место после смерти. Вместе с сыновьями он отправился в Мекку, чтобы призвать их к согласию и смирению. Там, в центре Запретной Мечети, внутри священной Каабы³, где сам Всевышний и его ангелы были тому свидетелями, два юных принца подписали предложенное им соглашение о разделе власти. Аль-Амин был назначен стать халифом, а его старший брат получал независимость в политических и военных делах и обширные восточные провинции. Подписанный документ был помещен на хранение в Каабу, тем самым получив особую, лишенную обыденной формальности, ценность. Отец полагал, что братья не осмелятся нарушить обет, данный ими в самом святом для всех правоверных месте. Ведь то, что когда-либо происходило здесь, всегда было отмечено незримой печатью, которая считалась сильнее любых земных печатей и свидетельств. И не успели ещё высохнуть чернила на бумаге, как в подтверждение незримого участия им был ниспослан знак свыше. То, что случилось, было бы, конечно же, простой случайностью, случись оно где-нибудь ещё. Но здесь, под черными покрывалами Каабы, все невольно вздрогнули, когда Аль-Амин уронил поданный ему свиток с документом. Несомненно, это был недобрый, очень недобрый знак, но никто не решился сказать об этом вслух...

³ Кааба – главная святыня всех мусульман. Строение в форме куба, расположенное в центре Запретной Мечети в Мекке, куда ежегодно совершают паломничество мусульмане со всего мира. По преданию, Кааба была построена ангелами ещё до сотворения человека и с древних времен была местом поклонения арабских племён. При совершении молитвы мусульмане, где бы они ни находились, всегда поворачиваются лицом в направлении Каабы.

Их договор был нарушен сразу же после смерти отца. День ото дня тёмные мысли становились тёмными делами, намерения превращались в поступки, обещания, данные перед лицом Бога, нарушались одно за другим. Их подданные в смятении пытались угадать, на чьей стороне окажется сила. Некоторые из них, поддавшись трусости, подстрекали братьев скорее взяться за оружие. В один из дней в Мекку срочно отправился гонец Аль-Амина, чтобы изъять из Каабы свитки с обязательствами. Хранители дверей не осмелились перечить, документы были взяты, и Аль-Амин порвал их, тем самым предрешив начало кровопролития. Началась гражданская война, братоубийственная в полном смысле этого слова.

Поначалу удача склонялась на сторону младшего из братьев. Как законный наследник, имеющий всю полноту власти, он не сомневался в успешном исходе военной кампании. Он даже заранее приготовил для Аль-Мамуна серебряные цепи, в которых тот должен будет предстать перед ним для суда. Аль-Мамун вдруг вспомнил, как на мгновение он усомнился в своих силах и позволил тревоге и сомнениям овладеть его волей: «Как я могу противостоять ему, когда на его стороне большинство отрядов и командиров, большая часть денег и запасов перешли к нему, не говоря уже о тех милостях и подарках, которыми он щедро осыпал людей в Багдаде? Люди склонны к деньгам и ведомы ими. Когда они находят их, они уже не заботятся о соблюдении данных обещаний и не желают выполнять обеты...»

Но звёзды на небе предсказали ему победу, и постепенно успех в сражениях оказался на стороне Аль-Мамуна. Он быстро обрёл преимущество, и вскоре его отряды уже осаждали Багдад. Целый год осадные машины обрушивали на город огонь и камень. Ужасные разрушения и смерть мирных жителей потрясли ещё недавно цветущую столицу. Поэты не находили слов, чтобы передать скорбь и страдания невинных, дым от пожаров застилал полнеба. С обеих сторон тяжелые манджаники⁴ непрерывно выстреливали в воздух каменные снаряды и горшки с зажигательной смесью. Горе было тому, кто попадался им на пути! Но тем, кому удавалось избежать смерти, летящей с неба, не всегда удавалось миновать её на земле. На улицах осаждённого города бесчинствовали мародёры, целые кварталы оказались во власти преступников. Вчерашние оборванцы и карманники притесняли всех без разбору: стариков и женщин, богатых и бедных. Никто не мог чувствовать себя в безопасности. Да что там чернь! Сам Повелитель правоверных, сам халиф Аль-Амин позволил себе невиданные ранее поступки и преступления! В тщетных попытках найти деньги на поддержание своего войска он опустил до открытого грабежа зажиточных граждан! Но даже эти бесчестные поступки уже не могли спасти его трон.

Дела шли всё хуже и хуже. С каждым днём Аль-Амин терял людей и лишался поддержки подданных. Предвидя скорое поражение, он пытался найти забвение в вине. Тем временем целые отряды во главе с командирами переходили на сторону неприятеля. В конце концов в распоряжении Аль-Амина остались только шайки бродяг и нищих, из которых удалось организовать подобие отрядов обороны. Эти необученные и даже невооружённые толпы смогли оказать на удивление ожесточённое сопротивление и поразили своей дерзостью и отвагой даже видавших виды воинов. Прикрытые только пальмовыми листьями и соломенными щитами, а то и вовсе нагие, они бесстрашно шли навстречу копьям и стрелам, в то время как их прекрасно оснащённый и вооружённый противник отступал под градом летящих в него камней. Эти оборванцы готовы были драться всего лишь за горсть фиников, а те из них, чьим ремеслом по жизни были грабежи и убийства, упивались возможностью безнаказанно творить преступления и чувствовали себя настоящими героями. Такова была горькая правда этой войны. Она превратила вчерашних воров в героев, а доблестных мужей – в отчаявшихся трусов. Но когда Тигр был перекрыт, и лодочники перестали подвозить продовольствие, то начавшийся голод

⁴ Манджаник – средневековое арабское осадное орудие. Метательная машина, способная выбрасывать снаряды весом до 15 килограмм на расстояние до 200 метров.

заставил даже негодьяев задуматься о спасении своих никчемных жизней. Окружённый со всех сторон, Аль-Амин понял всю бессмысленность сопротивления и попытался начать переговоры. Он ещё надеялся на благополучный исход и спасительный плен, но судьба распорядилась иначе.

Течение реки принесет его к спасительному плену. Так ему казалось. Ведь брат простит его, он всё поймёт. Он ведь поймёт, что это был вынужденный шаг, что всему виной были интриги его визиря. Он также вспомнит, что Аль-Амин не тронул его жену и сыновей, которые всё это время были в его власти.

Но лодку внезапно атаковали, Аль-Амин бросился в реку и попытался уплыть, его вскоре схватили и... То, что случилось дальше, он предпочел бы вообще никогда не вспоминать ни во сне, ни наяву. Но если ему и удавалось прогнать эти воспоминания днём, они всё равно возвращались к нему ночью, в страшных кошмарных снах, когда он был перед ними бессилён.

То, что было, – свершилось. Отрубленную голову Аль-Амина в устрашение повесили над воротами Багдада, и мир, добытый такой ценой, снова вернулся в этот город. Но надолго ли? Будет ли мир и покой на их земле даже через тысячу лет? Халиф часто задавал себе этот вопрос и никогда не находил на него ответа. Сколько раз на его памяти горел осаждённый Багдад и неубранные тела жителей днями валялись на улицах? Скоро уже не хватит городских ворот, чтобы выставлять все отрубленные головы. И о чём только думал его прадед, Аль-Мансур, основатель этого города, когда называл его Мадинат ас-Салам – Город Мира? Уж точно не о том, что голова его правнука будет украшать городские ворота...

Река совсем покраснела. Как говорил об этом поэт:

*Рукою ветра брошены в ручей пылающие анемоны.
И под их краснотою сверкающая вода
Уподобилась клинку меча,
По которому струится кровь...*

Но вот река успокоилась, ужасные красные волны постепенно улеглись и течение понесло его назад – в то время, когда он был ещё беззаботным ребенком. В тенистых садах Дворца Вечности⁵ царит тишина и прохлада. Ветер приносит с Тигра свежесть воды. Неподалёку, у плавающего моста, лодочники разгружают корзины с товарами для рынка. Вот старый учитель рассказывает ему о великих делах его предшественников, о первых праведных халифах, об изменах и мятежах, сопутствующих становлению династии, о том, как всё новые и новые земли склонялись под знамёна их армий. Как всего за каких-то двадцать лет презираемый до этого цивилизованным миром полудикий кочевой народ сумел завоевать от этого мира половину! Со времён Александра история не знала такого мощного выброса энергии и передела земель! И когда наступали редкие дни спокойствия, было время для покровительства наукам и искусствам.

Вот Аль-Амин бежит к нему с игрушечным мечом и призывает сразиться... Нет, не нужно! Если бы он только знал! О, Аллах, Милостивый, Милосердный, защити меня от последствий этого сна!

Как вдруг отряд остановился. Шумные крики, рёв верблюдов, скрип повозок – всё затихло. Все заворожено смотрели на запад – туда, где раскалённое солнце повисло над песками Аль-Магриба.⁶ И суровые воины, прошедшие не одно сражение и много повидавшие на своём веку, и безразличные ко всему невольники, – все замерли, очарованные увиденным.

⁵ Дворец Вечности – один из дворцов Багдада, построенный в 774 году халифом Аль-Мансуром.

⁶ Аль-Магриб – дословно «страна, где заходит солнце», «запад». Название, данное землям, расположенным к западу от Египта. Возникло в период завоевательных походов арабов.

Почувствовав перемену и услышав тишину, халиф открыл глаза. Поначалу он подумал, что всё ещё видит свой сон, в котором старый учитель рассказывает ему о дальних странах и чертит посохом на песке странные линии и фигуры. Как продолжение сна, вдали, в синеватой дымке, среди желто-красных песков пустыни, вдруг возникли три вершины. В лучах солнца они горели, как языки белого пламени. Нагретый воздух с их безупречных граней волнами поднимался к небу и, будь он здесь один, он бы подумал, что это какой-то мираж... Но весь его отряд вместе с ним смотрел в ту же сторону. Определённо это не было игрой света или усталого воображения. И это не могло быть явлением природы – ни потоки дождя, ни сила ветра, ни что иное не могло бы сотворить столь изящные и правильные формы. Всё говорило об их рукотворном происхождении. И это тем более заставляло застыть в восхищении.

И хотя до них было ещё полдня пути, размер ощущался даже на расстоянии. Аль-Мамун вспомнил слова учителя: «А размеры их столь велики, что стрела, выпущенная с вершины, едва ли долетит до подножия...»

Старик был прав – люди из живущих не могли сотворить такое.

Виктор

Жители больших городов в большинстве своём уже давно не замечают смены времён года. Вопреки законам природы и миллионам лет эволюции, они более не воспринимают перепады температуры и выпавшие осадки как завершение одного и начало другого этапа в их жизни. Выпал первый снег? Это скорее сигнал достать зимнюю обувь и обновить гардероб, нежели некая черта, ещё лет сто назад обозначавшая окончание сбора урожая, заготовку дров и прочие давно забытые цивилизованным человеком действия и причины им предшествующие. Втянутые в бешеный ритм современной жизни, обитатели мегаполисов редко видят небо и звёзды, и большую часть своего существования проводят в тесных комнатёнках и глубоко под землей, в поездах метро, где нет ни времени суток, ни погоды.

Достигнув вершин прогресса и получив в своё распоряжение все блага цивилизации, люди как никогда стали беспомощны и зависимы. Рождённые жить в больших городах, они уже не задумываются о том, где взять свет и воду, как обогреть жилище, чем накормить себя и своих детей. Но взамен они обречены ежедневно укорачивать свою жизнь в нескончаемых пробках, подставлять себя под давящий стресс переполненных улиц, ощущать бесконечную нехватку времени и вечно спешить всегда и везде. При этом из всего многомиллионного муравейника лишь единицы могут себе позволить выйти за рамки этого существования и установить своё собственное расписание жизни. Остальные же довольствуются тем, что есть.

В этом году снег не торопился выпадать на московские улицы. Но Виктору Алексеевичу, по правде говоря, было безразлично, когда это случится и случится ли вообще. Затянувшаяся осень, ставшие уже привычными слякоть, полудождь и полуснег ничем, по его мнению, не отличались от самой зимы, которая последние лет пятнадцать-двадцать была всего лишь холодным вариантом осени с промозглым ветром, пасмурным небом и тоскливым ощущением конца света. С каждым прожитым годом это ощущение всё более усиливалось, и Виктор уже поймал себя на мысли, что это и есть начало его вступления в неизбежную фазу старения и угасания жизненной активности. На удивление быстро он почувствовал, что его осень уже где-то близко. Как-то незаметно и по-будничному суетливо прошли годы. Вот ещё вчера он строил планы и мечтал о том, как откроет свой собственный бизнес, станет обеспеченным, независимым человеком, сможет путешествовать по всему миру.

Путешествия, открытия... Это была его несбыточная мечта с детства – стать путешественником, открывателем новых земель. Он знал – если вдруг ему суждено найти остров, то он обязательно будет необитаем. На уроках географии он без запинки отвечал у доски, легко находил на карте острова и проливы, поднимался на высокие горы и спускался в воображаемые долины. Мечта была уж совсем несбыточной – в те далёкие времена его страна была надёжно закрыта от всего остального мира, который считался враждебным и по-своему необитаемым. Никто не мог ни въехать, ни выехать за пределы одной шестой части суши. Но вот мир изменился, вчерашние мечты стали как будто бы ближе. Но где это «вчера»? Да вот уже лет десять прошло. А теперь уже и двадцать. А из путешествий только ежедневный марш-бросок до метро, в офис, и обратно. Увы, новых земель уже нет и не будет. Все земли открыты, все острова названы. А ещё однажды утром я проснулся – и мне уже сорок лет... И это, поверьте мне, господа, уже совсем не шутки, пора подумать о вечном...

Особых перемен, положительных или отрицательных, в его жизни не было уже давно. Последние несколько лет Виктор перебивался рядовым программистом в одной из компаний в сфере веб-дизайна. В своём деле он был достаточно неплохим специалистом; программировать начинал ещё в те времена, когда компьютер дома считался невиданной роскошью. За долгие годы он успел перепробовать практически все разновидности IT-специалиста: по молодости был продавцом в магазине электроники, сборщиком, монтажником, системным

администратором, разработчиком, программистом и как-то раз даже директором собственной компьютерной фирмы. Но эта его последняя инкарнация как-то не заладилась и, едва рассчитавшись с долгами, он ушел во фрилансеры.

Здесь он почувствовал себя намного спокойнее. Уже не нужно было по утрам спешить в офис, заниматься скучной рутинной, бегать с отчетами по разным инспекциям и фондам. Но времена свободных художников прошли безвозвратно, с каждым годом заказов становилось всё меньше, на рынке утвердились крупные фирмы, вытесняя одиночек и устанавливая цены. Оценив свои далеко не радужные перспективы и выполнив несколько крупных заказов для одного серьезного клиента, он принял предложение перейти к нему на постоянную работу. Как раз вовремя – грянул очередной финансовый кризис, и заказы вообще прекратились. Виктор решил более не испытывать судьбу опрометчивыми шагами. В конце концов, не все перемены к лучшему.

Виктор происходил из той породы людей, для которых одиночество было вполне переносимо, а порой даже и желанно. Нельзя сказать, чтобы он совсем уж был затворником. Он любил бывать в шумных компаниях, всегда мог поддержать разговор, но одновременно не стерпел бы неожиданного визита к себе домой, пусть даже самых лучших друзей – свой маленькой мирок он ценил и оберегал весьма ревностно. С большинством из окружающих он просто не находил общих тем для разговора, а пустая болтовня была для него невыносима. Если ему вдруг приходилось забывать дома мобильник, то это ровным счетом ничего не меняло в его жизни, хотя для других невозможность общения с привычным кругом оборачивалась полной дезориентацией и стрессом.

Этим утром, как и обычно, его ждала повседневная рутина офиса. Список заданий был пуст. Похоже, что выходные прошли без вирусных атак и падения сайтов. Тем лучше – будет время проверить свои резюме, уже давно разосланные по агентствам, и посмотреть отзывы по турфирмам. Скоро долгожданный отпуск. Если всё сложится удачно, то его ждёт путешествие в какую-нибудь далёкую страну с теплым и ласковым морем, подальше от этой слякоти и пасмурного неба. Денег на поездку у него было совсем немного, и он решил как следует изучить все предложения и отзывы, чтобы потом не сожалеть об испорченном отпуске. Или (не дай бог!) вообще не потеряться в чужой стране по вине недобросовестного туроператора. Неприятностей стоило ожидать на каждом шагу. Вот уехал ты, скажем, в Кот-д'Ивуар... Да, именно в Кот-д'Ивуар, а твоя турфирма взяла и обанкротилась! И остался ты один в Кот-д'Ивуаре, а там поди и телефонной связи-то до сих пор нет...

Время было что-то после обеда, когда поступил отчет о неисправностях на одном из клиентских сайтов. Так, интересно... И как раз по теме. Пару месяцев назад какой-то малоизвестный туроператор разместил заказ на сайт-визитку с довольно странным условием – один из программных модулей он намеривался реализовать и внедрить самостоятельно. С технической точки зрения это было неразумное решение. Клиенту предлагался уже готовый и отработанный шаблон, гарантированно свободный от ошибок в дизайне и коде. Причем по весьма разумной цене. Масштаб проекта был настолько мизерным, что даже проектом его нельзя было назвать – скорее так, подработка для студента, рядовая работа, от которой, если уж на то пошло, проще было отказаться. Особенно если клиент вдруг начинал морочить голову своими неадекватными «хотелками». В былые времена фирма, наверное, так бы и поступила – заказчик получил бы вежливый отказ или заградительные цены, но на этот раз отдел продаж был рад любому клиенту. Их и так становилось всё меньше, бизнес вокруг стремительно сжимался, новых заказов не было уже давно.

Ладно, посмотрим, что там за неполадки. В пояснительной записке говорилось, что на странице регистрации не работало поле для ввода подтверждающего кода. На картинке с символами отображалась какая-то бессмыслица. Понятно, о чём речь. Обычная для любого современного сайта система защиты от нежелательной регистрации. Для того, чтобы иденти-

фицировать себя как человека, посетитель сайта должен ввести буквы или цифры, которые в случайном порядке выдавал на страницу веб-сервер. В отличие от человека, наделённого глазами и интеллектом, робот (т.е. специально написанная для автоматической регистрации программа) не могла «увидеть» заданный код. Со временем злоумышленники научились обходить эту защиту; были написаны роботы, способные обнаруживать и распознавать изображения. Тогда начали усложнять картинку: символы стали наклонять, искажать их форму, добавлять шум, фон, разные линии, точки, цифровой мусор – делать всё для того, чтобы максимально затруднить распознавание. Человек по-прежнему без труда мог разглядеть, скажем, пятерку или тройку, пусть даже перевернутую вверх ногами и перечеркнутую для маскировки двумя линиями, а для машины это была всё-таки неразрешимая задача. Неразрешимая, наверное, до тех пор, пока они, машины, не научатся думать.

Ну а здесь и думать нечего – наверняка именно этот защитный модуль заказчик и заменил на свой собственный, и теперь возникли проблемы. Посмотрим, что там за сайт... Хм... Да и не сайт вовсе, а так – пара страниц ни о чём, шаблон почти не тронут, никаких изменений. Стоило ради этого обращаться в серьёзную фирму и платить деньги, когда любой студент за пару дней сверстал бы нечто похожее, что называется, «на коленке» и всего за пару бутылок пива.

Интересные ребята... Туристическое агентство «Mystery Tour». Судя по названию, это пляжный отдых в Нарнии или путешествие по избранным местам Гарри Поттера. Читаем. И, кстати, читаем по-английски, так как другого языка создатели сайта почему-то не предусмотрели. Это не проблема – Виктор довольно-таки сносно знал язык. Но почему здесь, на сайте, предназначенном для русскоязычной аудитории, вся информация была выложена на иностранном языке – решительно было непонятно.

Это же надо было такое придумать даже по-английски! Виктор с интересом прочитал небольшой вводный текст:

«Только здесь вы сможете найти настоящий азарт и приключения, недоступные в обычной жизни! Индивидуальные туры в любую из стран мира. Большой выбор маршрутов. Никаких шаблонных экскурсий по заезженным местам и достопримечательностям, полное погружение в жизнь и традиции страны пребывания. Детально проработанные сюжеты на ваш выбор: поиск сокровищ, засекреченные миссии, спасательные операции и многое другое. Гарантируем непредсказуемые повороты и неожиданности на вашем пути; опасности, приключения и незабываемые встречи. Всё то, что сделает вашу поездку яркой и незабываемой. Только индивидуальный сценарий! Пожалуйста, зарегистрируйтесь для получения дополнительной информации...»

И это всё? Никаких детальных описаний, расценок и даже формы отзыва? Как они собираются поднимать бизнес с таким скромным набором? Текст на полтора абзаца и кнопка «Далее». С таким же успехом можно было расклеить объявления на остановках. Больше смахивает на дешёвую аферу. Наверняка очередная ловушка для выколачивания денег из доверчивых клиентов. Не удивлюсь, если сейчас предложат ввести номер кредитки или отправить СМС для активации чего-либо. Наживка выглядит заманчиво, кто-нибудь да поверит. Я бы и сам отправился на поиски сокровищ, будь мне лет двадцать. Например, в джунгли Амазонки... Да хоть в Антарктиду! А что? Если подумать – идеальное место для сокровищ. Там уж точно никто искать не будет.

Переходим на страницу регистрации. Ничего особенного, пока что всё по шаблону. Имя... Фамилия... Это поле пропустим. Это поле необязательно. Телефон... Пусть будет рабочий. Почта... Есть у меня специальный ящик для спама, держите... Вроде всё.

А вот и сама проблема. «Пожалуйста, введите символы, изображённые на картинке». Картинка – это что-то! Размером с почтовую открытку, почти на полстраницы. На ядовитом кислотном фоне раскинулась безумная россыпь цветных фигур и пятен. Едва различимые цифры аж горят и пляшут. Виктор немало повидал защитных изображений, но с таким столкнулся впервые. На секунду-другую он даже зажмурился, так неприятно резануло в глазах. Это тройка или восьмерка? Тройка, однозначно. А это? Каждый день в мире пользователи интернета решают почти двести миллионов таких загадок, а он не может определиться с одной единственной цифрой. Наверное, всё-таки девятка... «Продолжить». Значит, цифры всё-таки есть, проблема не в этом.

Ну вот и всё, код принят. «Регистрация прошла успешно, в ближайшее время с вами свяжется наш менеджер. Благодарим вас за выбор компании «Mystery Tour». Дело сделано, пора составлять отчёт. Что же отметить, если всё работает? Так и напишем – «заявленный недостаток не обнаружен». Если в ближайшее время проблема не повторится, то будем считать это случайным сбоем программного обеспечения. Всякое бывает. Тут порой в своём собственном коде месяцами не можешь найти ошибку, а уж что там творится в тысячах строк чужой программы – одному богу известно.

На часах было около пяти. Очередной скучный день близился к завершению. Завтра всё повторится снова, и так будет длиться ещё черт знает сколько лет. Утро, завтрак, метро, работа. Чья-то незримая рука ежедневно переворачивала в жизни Виктора эти песочные часы, заставляя его двигаться по строго очерченному кругу. Вряд ли он сейчас подозревал, что уже очень скоро этот круг разорвётся, и в его жизни наступят невероятные перемены...

Примерно через неделю раздался звонок. Виктор поднял трубку:

– Добрый день! Вас беспокоит компания «Мистери Тур»... – приятный женский голос звучал доброжелательно и одновременно слегка отстранённо, как это часто бывает у людей, привыкших ежедневно совершать по сотне телефонных звонков. – Я бы хотела переговорить с Виктором по поводу размещённой заявки...

– Да, здравствуйте, это я Виктор. А... Извините, что-то не припомню... Какая заявка?

– Очень приятно, Виктор! Меня зовут Светлана. На прошлой неделе вы заполнили регистрационную форму на нашем сайте. «Мистери Тур», индивидуальные путешествия. Припоминаете? Мне поручено сообщить вам, что после обработки информации ваша кандидатура была включена в программу по исследованию спроса. «Мистери Тур» – достаточно молодая компания, и мы активно ищем неосвоенные направления в туристическом бизнесе...

– Признаться, я удивлен. Не ожидал, не ожидал... – Виктор и думать уже забыл об этом сайте. Забыл сразу же после завершения работы. Ещё тогда он сделал для себя вывод, что это или несерьёзная задумка, брошенная на полпути, или заведомо вредоносный материал, которого следует остерегаться. И вот такое неожиданное продолжение. «Мистери Тур», оказывается, существует. Но ему-то что с того? Пожалуй, лучше сразу оборвать разговор, не дожидаясь, пока эта Светлана начнёт морочить ему голову какой-нибудь чепухой. Или всё же дослушать? А, черт с ним! Делать-то всё равно нечего, пусть говорит. Светлана между тем продолжала:

– Отчасти ваше удивление объяснимо – мы сознательно отказались от традиционного продвижения на рынок. Как вы уже, наверное, заметили, у нас нет рекламной кампании и привычных атрибутов успешного бизнеса, призванных поразить воображение широкой аудитории. Наша специализация – не массовые туры по известным курортным направлениям. Мы видим своим клиентом человека, который не стремится к традиционным маршрутам и не обращает внимание не звёздность отеля. Это скорее тип путешественника-одиночки. То, что в мире называют «backpacking» – путешествие с рюкзаком. Людей, готовых отправиться в самостоятельный тур, довольно-таки много, но их желание не находит должного предложения со сто-

роны туристического бизнеса. Крупные фирмы, как правило, предпочитают не связываться с одиночками на экзотических маршрутах, и эта ниша до сих пор остаётся открытой.

– Извините, Светлана. То, о чём вы сейчас говорите, безусловно, интересно. Но, боюсь, что я не являюсь вашим клиентом, даже потенциальным. Я заполнил регистрационную форму только потому, что работаю в фирме, которая обеспечивает хостинг и поддержку сайта. Мне нужно было проверить работу формы и только.

– Так это и есть именно тот случай, на который мы и рассчитывали – найти совершенно случайного посетителя! Мы используем технологию поиска клиентов, основанную на случайном выборе. Иногда она оказывается наиболее эффективной по сравнению с традиционным массовым накрытием аудитории. В противном случае мы бы целенаправленно обрабатывали привычные места обитания наших клиентов: форумы, сайты отзывов и прочее...

А эта Светлана хорошо говорит, подумал Виктор. Грамотно, ненавязчиво. Однако до сих пор она не сказала ни слова о моей персоне. Что ещё за программа с моим участием? Интересно – а какую информацию они обрабатывали? Ведь я им не сообщил о себе ничего стоящего. Неужели они составили обо мне мнение по номеру телефона или по адресу электронной почты? Как-то это всё неожиданно... Да и странно. Что-то здесь не так. Вся затея может оказаться банальным мошенничеством.

– Светлана, вы сказали, я попал в число участников некой программы. Вы меня, конечно же, извините, но я задам вопрос – а не выиграл ли я ещё и приз, за который надо заплатить налог или внести первоначальный взнос?

Этот прямой вопрос Светлану несколько не смутил. Всё тем же спокойным и доброжелательным голосом она поспешила развеять его сомнения:

– Что вы, Виктор! Мы не мошенники! И вы сами сможете в этом убедиться, когда узнаете, в чём именно заключается наше предложение. Прежде всего – вам не придётся нигде ничего оплачивать или соглашаться на условия, которые покажутся вам неприемлемыми. Всё как раз наоборот. В рамках нашей программы мы готовы оплатить вам перелёт и пребывание в стране, представляющей для нас интерес. В этой стране вам предстоит самостоятельно, за определённый отрезок времени, пройти по указанному нами маршруту. Вы можете выбирать любой удобный для вас способ передвижения. На всём пути вы имеете полную свободу действий: можете останавливаться где хотите, делать что пожелаете, отклоняться от маршрута, возвращаться назад – вы не ограничены ничем. Главное – посетить все пункты вовремя. Разумеется, вы будете снабжены достаточной суммой денег на любые расходы. Кроме того, независимо от выполнения основной задачи, вы гарантировано получите фиксированное вознаграждение. Речь идёт о довольно-таки серьёзной сумме.

– Пройти по маршруту – это единственное условие?

– Не совсем так. Какое-то время назад это действительно было единственным условием. Но сейчас, в связи с общим для всех неблагоприятным финансовым положением, мы вынуждены жёстко обозначить время и место. Если вы согласитесь принять участие, то выехать надо будет уже через неделю. Причина здесь чисто финансовая – на данном этапе наши партнёры берут на себя все расходы. Другая такая возможность откроется нескоро, так что медлить с поездкой мы не можем.

– То есть, вы отправляете меня в дорогу полностью за свой счёт – правильно я понимаю? А взамен я должен всего лишь прогуляться с рюкзаком, тратя ваши деньги по своему усмотрению? Как-то это слишком красиво, чтобы быть правдой! Что на самом деле я должен буду сделать?

– Пожалуй, мне нечего добавить к сказанному. Всё именно так, как оно и выглядит. Мы платим вам за услугу, которую вы нам окажите, любезно согласившись помочь в исследовании перспективного рынка. Это обыкновенное взаимовыгодное сотрудничество. И широко распространённая практика, кстати. Многие фирмы регулярно оплачивают так называемые

«рекламные туры». Разница лишь в том, что нам не нужны хвалебные отзывы и искусственно накрученный рейтинг. Для нас в первую очередь будут весьма интересны ваши персональные впечатления от поездки. По понятным причинам, это должен быть непредвзятый опыт, так сказать, непосредственное погружение. А для этого необходим совершенно случайный человек, иначе мы бы уже давно отправили своего сотрудника. Я понимаю, что в таком предложении при желании можно увидеть и нечто сомнительное, но это уже не поддающийся манипуляциям вопрос доверия... Верить нам или нет – вы решаете сами. Я не могу, да и не должна вас убеждать. Согласитесь – жизнь вокруг полна примеров, когда обман происходит там, где, казалось бы, всё свидетельствует о надежности и благополучии. Кроме того, с нашей стороны было бы несерьёзно давать вам какие-либо гарантии по телефону. Как вы смотрите на то, чтобы подъехать к нам в офис?

Виктор растерянно промолчал. Происходящее было настолько неожиданным, что он и не знал, что ответить. Годы жизни в мегаполисе научили его не доверять никому, начиная с нищих в метро и заканчивая одетым с иголки менеджером в солидных офисах. И те, и другие одинаково могли оказаться проходимцами. Но это внезапное предложение настолько удачно вписывалось в его планы, что отказаться от него было бы просто нелепо. Почему бы и нет? Что он, в конце концов, теряет? Мысли молнией пронеслись в его голове: отпуск, о котором он так мечтал, поиски новой работы, денежные затруднения. Впрочем, какие к черту затруднения? Реальная финансовая катастрофа, правильнее было бы сказать! А тут тебе предлагают оплачиваемый отпуск, полную свободу, деньги, наконец!

– Хм... Если я соглашусь... Предположим, я соглашусь. Чтобы выехать через неделю, мне вполне вероятно придётся уволиться с работы. Я очень рискую.

– Вы можете взять неоплачиваемый отпуск. Думаю, ваш работодатель будет только рад не платить вам за этот месяц. И потом – как знать? – может быть, вам уже и не захочется возвращаться на прежнее место. Имея деньги, вы можете спокойно заниматься решением ваших проблем и поиском новой работы.

– Ну раз так... Давайте встретимся. Надеюсь, это будет не зря. Как до вас добраться?

– Запишите адрес. Наш офис почти в самом центре.

На следующее утро Виктор уже спускался в метро, пустынное в этот час. Субботний день обещал относительное спокойствие; уставшая за неделю Москва ещё не проснулась и не успела наполнить улицы и дороги суетливыми жителями. Редкие пассажиры убивали время за чтением книг, молодежь отрешенно взирала на экраны телефонов. Время в пути пролетело незаметно; ожидание предстоящего разговора не давало Виктору покоя. Обычного сонного настроения не было и в помине. Выйдя из вагона, он резво вскочил на эскалатор и, перепрыгивая через ступеньки, поспешил наверх.

Через минуту он уже входил в двери сверкающего стеклом современного офисного центра. Большой стенд у лифта был наполовину пуст; повсюду красовались таблички со словом «аренда». Сразу было понятно, что этот дорогий офисный центр класса «А» в самом центре столицы переживал далеко не лучшие времена. Некогда кипучая жизнь покинула его этажи и холлы. Ещё полгода назад армии клерков суетливо пробегали по его коридорам, но волны кризиса смыли большую часть офисного планктона; те же, кто смог пережить шторм и остаться на плаву, робко ожидали, когда ветер удачи вновь наполнит их паруса...

В полутёмном коридоре на шестом этаже Виктор не сразу нашел нужную дверь. В этот ранний час, да ещё и в субботу, он был здесь единственным посетителем. Наконец, он остановился у двери с табличкой «Mystery Tour» и нерешительно взялся за ручку. Секунду-другую он помедлил, вспоминая все события, приведшие его сюда. «Это редкая возможность. Другой такой случай представится нескоро...» – пронеслись в его голове слова, сказанные накануне. Нужно было сделать последний шаг, но неясная тревога не давала ему переступить порог. Так бывает, когда биение сердца заставляет тебя замереть у последней черты, а голос разума

уступает предчувствиям сердца. Так же страшно бывает покинуть прочную палубу корабля и ступить на хлипкие доски шлюпки навстречу бушующему морю. Даже если корабль тонет, то страх неизвестности до последней секунды не отпускает тебя, заставляя из последних сил цепляться за прошлое...

Виктор прислушался. За дверью было тихо. Ни звука голосов, ни телефонных звонков, ничего. В такие двери обычно хочется войти, даже если тебя там не ждут. Но Виктора уже ждали. Не успел он переступить порог, как ему навстречу из-за стойки ресепшн выпорхнула молоденькая особа с легкомысленной копной распущенных волос:

– Здравствуйте! Вы, наверное, Виктор? Я Ирина, секретарь фирмы. Вы пришли немного раньше, Светлана освободится через несколько минут. Не желаете ли пока чашечку кофе?

– Здравствуйте! От кофе я не откажусь.

Пока Ирина возилась у кофе-машины, Виктор удобно устроился на диване, разглядывая обстановку. Впрочем, ничего интересного ему увидеть не довелось – типовое рабочее место секретарши с неизменным компьютером и телефоном ничем не отличалось от миллиона подобных приёмных во всём мире. Ему только показалось странным отсутствие на стенах привычных для турфирмы плакатов с пальмами, отелями и прочими видами на отдых. Мебель была расставлена как-то небрежно, от техники свисали небрежно убранные провода, с первого взгляда могло показаться, что контора находится в состоянии переезда.

– Мы только недавно заехали, ещё беспорядок, – объяснила Ирина странности в обстановке. – Ваш кофе.

В непринужденной болтовне с Ириной несколько минут прошли незаметно. Как только Виктор сделал последний глоток, на столе у Ирины зазвонил телефон и она, выслушав собеседника, пригласила его пройти в соседний кабинет – «Вас ждут».

В преддверии важной встречи Виктор немного нервничал, сомнения ещё бродили в его голове. Насколько это было возможно, он попытался придать своему виду основательность и серьёзность. Такого, мол, просто так не обведёшь вокруг пальца. Готовясь к разговору, он заранее представил себе образ Светланы. Ему казалось, что это будет высокая строгая женщина в тёмном деловом костюме, с собранными на затылке волосами, непременно в больших очках – сдержанная и сосредоточенная бизнес-леди, привыкшая повелевать такими легкомысленными созданиями, как эта Ирина. По крайней мере, именно такое описание возникло у него под впечатлением от её спокойного голоса, умеющего внушать доверие. И если бы не этот голос, то он, наверное, подумал бы, что ошибся, когда увидел перед собой Светлану.

Она оказалась совершенно другой. Намного моложе, чем он думал, примерно одного с ним роста, свитер и джинсы вместо делового костюма, и пышные светлые локоны, спадающие на хрупкие плечи. Очки у неё всё же были, но в лёгкой изящной оправе, совершенно не претендующие на серьёзность. Доброжелательная улыбка сопровождалась строгим внимательным взглядом больших тёмных глаз. Была какая-то необъяснимая загадка в этом ярком противоречии между её внешней притягательной женственностью и скрытой внутренней силой. Виктор смущённо замялся на пороге, не решаясь пройти дальше, но Светлана сама вышла ему навстречу:

– Здравствуйте, Виктор! Рада с вами познакомиться! Пожалуйста, проходите, устраивайтесь. Кажется, Ирина уже успела предложить вам кофе. Не желаете ли ещё что-нибудь?

– О, нет, спасибо! От этого чая и кофе у меня и так за целый день на работе голова болит.

– Тогда перейдём сразу к делу. Итак, вы здесь... У вас было время подумать. Каково ваше решение? – перед Виктором снова была та деловая женщина, голос которой вчера он слышал по телефону. Но под впечатлением от Светланы, увиденной им сегодня, все его мысли в голове как-то спутались, подготовленные вопросы забылись, терзавшие его сомнения развеялись, и он неожиданно для себя выпалил:

– Будь что будет! В самом деле – что мне терять? Ещё несколько лет этой скучной работы? Я согласен! – и сам удивился своей смелости и безрассудности.

Светлана также казалась удивлённой:

– А я-то думала, что мне придётся вас долго убеждать и уговаривать. Ну вот и хорошо. Удача сопутствует решительным. Основную часть предстоящего дела в общих чертах я вам уже рассказала, сейчас можно обговорить контракт более подробно. Возьмите образец контракта, внимательно его прочтите. Если будут какие-нибудь вопросы – пожалуйста, спрашивайте.

На столе перед Виктором оказалась подборка документов, на тщательное изучение которых потребовалось бы несколько часов вдумчивого чтения. Но Виктор, не искушённый в юридических тонкостях, предпочёл взамен быстро перелистать страницы, выделяя взглядом самые существенные моменты и отбрасывая всякие обороты вроде «именуемые далее сторонами» и занудные перечисления прав и обязанностей. В отношении обязанностей он почему-то решил целиком и полностью довериться Светлане. Однако, дойдя до того места, где оговаривалось оплата за услуги, он удивлённо остановился, не веря своим глазам. Увиденная им цифра превышала все его самые смелые ожидания. Подозрения снова закрались в его душу. Не могло быть такого, чтобы столь пустяковые услуги оплачивались с такой невероятной щедростью! Он даже не нашел, что сказать и только вопросительно взглянул на Светлану. Она мягко улыбнулась и в очередной раз поспешила развеять его сомнения:

– Ничего удивительного. Мне приходилось встречаться и с более крупными суммами. Вы не поверите, каких размеров порой могут достигать рекламные бюджеты. Соглашусь, что это довольно необычайный и смелый эксперимент, и вам, как человеку незнакомому с этой сферой, многое может показаться странным. Но если эта идея оправдывает себя, то наша фирма станет первопроходцем на новом перспективном рынке. И тогда эти затраты будут просто списаны ввиду их ничтожности, примерно как расходы на кофе для посетителей. Итак, вас устраивает эта сумма?

– Ещё бы! Я о таком и мечтать не мог! Дайте мне только пару секунд, чтобы не ошибиться...

И тут Виктор понял, что в такой решительный момент он оказался не готов оценить свалившуюся на него удачу. Он попытался представить, на что можно потратить свой будущий капитал. Внезапно его осенило. Его новая жизнь начинается с путешествия. Вот оно – то, о чём он так долго мечтал и на что ему не жалко будет потраченных денег! Оставить в прошлом всю эту суету и заботы. Увидеть, наконец, мир. Ради этого стоило рискнуть. Он уверенно придвинул к себе бумаги и поставил подпись в конце документа. Светлана одобрительно кивнула и передала ему конверт:

– Здесь первоначальные инструкции и кредитная карта, на которую будет перечислен ваш аванс. С этого момента вы начинаете действовать самостоятельно; с подписанием договора мои полномочия заканчиваются. Вся дальнейшую информацию вы будете получать на адрес электронной почты или на мобильный телефон. Я желаю вам удачи и скорейшего возвращения. Буду ждать от вас известий и надеюсь, что мы ещё встретимся.

Она вышла из-за стола и протянула ему руку. Виктор понял, что их короткий, но содержательный разговор окончен. Внезапно он почувствовал, что не хочет уходить, что какая-то сила держит его рядом с этой ещё вчера незнакомой ему женщиной. Он никак не хотел отпускать её руку, забывая её волосы цвета пшеницы, мягкую улыбку и внимательный взгляд. Должно быть, суматоха событий, произошедших с ним всего лишь за один день, и внушила ему эту мечтательную задумчивость и романтическую влюбленность. Впервые за долгие годы он не боялся грядущих перемен и, более того, страстно желал их приближения. Одновременно он боялся неосторожным словом или поступком спугнуть изменчивую фортуны и вновь обнаружить себя никому ненужным стареющим неудачником.

Он отпустил её руку и снова придал своему виду сдержанную серьёзность. Как-никак, теперь он был одинокий путник, ступающий на неведомую дорогу, а женщина должна была остаться и ждать. Впечатлённый своим собственным образом, он сурово пробормотал что-то вроде «надеюсь на скорую встречу» и направился к двери. Только сейчас он заметил, как ему вслед развернулся объектив сетевой видеокамеры, притаившейся в углу кабинета. Такая камера через интернет могла транслировать сигнал куда угодно. Кто-то, пожелавший остаться неизвестным, всё это время внимательно за ним наблюдал. Но это его не особо смутило – Виктор понял, что так и должно быть, это одно из правил игры. Уже у двери он остановился и спросил:

– Странно, что я упустил самый главный вопрос. Так куда же, собственно, мне предстоит поехать?

– Это действительно странно, потому что и я забыла вам об этом сказать. Это Египет...

Сделка

За несколько дней и ночей, предшествующих этой, в одном из уличных кафе Каира встретились двое.

Человек, пришедший на встречу первым, был очевидно иностранцем, но наверняка не туристом. В его руках не было ни фотоаппарата, ни карты города; он шел спокойным размеренным шагом, не отвлекаясь на непривычный для приезжих колорит восточных улиц. Громкие крики торговцев, ишаки, навьюченные фруктами, приставучие уличные мальчишки – всё это, казалось, он видел уже не в первый раз. Зайдя в кафе, иностранец расположился за столиком у входа, причем так, чтобы его не было видно с улицы, достал принесённую с собой не то книгу, не то блокнот, и принялся неспешно перелистывать страницы. Его загорелое лицо и уверенное поведение свидетельствовали о том, что он уже давно находился в Египте. Однако не настолько давно, чтобы успеть выучить пару-тройку слов по-арабски – с подошедшим официантом ему пришлось долго изъясняться, прибегая порой к помощи языка жестов. Наконец официант понял, что посетитель желает «кахва» – кофе, и удалился, оставив незнакомца в уединении. И внешность, и поведение незнакомца были вполне заурядными, поэтому неудивительно, что его появление в этом месте не привлекло к себе никакого внимания. С видом никуда неспешающего человека он лениво перелистывал свою книжку и потягивал кофе. Спешить ему и вправду было некуда, так как он явился на встречу намного раньше назначенного времени.

А время между тем было уже позднее. Шумная улочка в некотором отдалении от центра города под вечер заметно опустела. Торговцы закрывали свои лавки, убирали с тротуара лотки и корзины. Почтенные старики собирались в кальянной напротив обсудить дела и поделиться новостями. Тощие собаки, которые, похоже, во всём Египте только и делали, что спали с утра до вечера, сейчас перебирались с остывающей мостовой куда-то в более тёплые места на ночлежку. Улица постепенно замирала. И только на дороге движение не останавливалось ни на секунду. Водители, презирая всякие правила дорожного движения, стремились любой ценой обогнать друг друга в плотном потоке транспорта. Чтобы не встать в пробку, рейсовые автобусы вынуждены были лишь слегка притормаживать, высаживая и принимая пассажиров прямо на ходу, что последних нисколько не смущало. Люди как ни в чем не бывало перебежали дорогу и впрыгивали в уходящий автобус.

Ночью Каир преобразился. Исчезли грязь и серость домов; бесчисленное множество огней осветило улицы. Именно в это время, когда в темноте лица стали неразличимы, к нашему первому незнакомцу присоединился ещё один человек, ради которого и была организована эта поздняя встреча. Этот человек, судя по всему, не желал быть кем-либо замеченным. Он шел по неосвещённой стороне улицы, не поднимая головы, с плотно надвинутой на глаза шляпой, старательно избегая скоплений народа. Одет он был по-европейски, но его внешность и манера поведения безошибочно выдавали в нём египтянина, жителя этих мест. Зайдя в кафе, он сразу же направился к столику, за которым его ожидал иностранец с книгой в руках.

– Мистер Джон? – спросил он по-английски с некоторым акцентом, смягчая согласные и отчётливо выделяя произносимые окончания слов. – Я рад нашей встрече. Мне приходилось много слышать о вас и, признаться, я представлял вас совершенно другим человеком...

Иностранец вышел из-за стола ему навстречу, протягивая в ответ руку:

– Добрый вечер, господин секретарь! Я также рад нашему знакомству! Вас я представлял именно таким, что и неудивительно, учитывая вашу известность. Что же касается меня, то все почему-то думают, что я должен быть не иначе как двухметровым головорезом с серьгой в ухе и татуировкой на шее. Но – спешу вас успокоить – моя опасность для общества слишком преувеличена!

Египтянин сдержанно рассмеялся и присел рядом с иностранцем. Они тут же принялись оживленно обсуждать какой-то важный для них вопрос, избегая при этом повышать голос и привлекать к себе внимание. Впрочем, вокруг не было никого, кто мог бы услышать их разговор. Человек в шляпе, наклонившись к иностранцу, тихо говорил ему вполголоса о каких-то своих неперемennых условиях:

– Единственное условие – всё внутри должно остаться без изменений! Ни один камень не должен быть сдвинут со своего места или разбит! Ни одной просверленной дыры или царапины на стенах! Я согласен стерпеть то, как вы проникните внутрь. Но не более того! А это значит, что после вашего пребывания не должно остаться ни малейших следов!

– Прошу вас, не сомневайтесь! Я же не любитель... На следующее утро вы сами сможете туда спуститься и попробовать найти хоть какие-нибудь перемены в обстановке. Готов с вами поспорить, что вы не найдете ни одного свидетельства моего визита! А если не сможете увидеть вы, то и никто другой подавно ничего не заметит!

– Будем надеяться... Скажите, Джон, – как бы вы сейчас ни ответили, наша договоренность останется в силе. И, более того, я ни в коем случае не буду пытаться вас переубедить или отговорить от задуманного. Но меня ни на секунду не покидает один вопрос – неужели вы и в самом деле верите в то, о чём говорите? Вы действительно надеетесь там что-то найти? Я даже не спрашиваю вас – что. Как археолог я уверен – ни внутри, ни снаружи, ни на пять миль вокруг там ничего нет! Там всё на сто раз разбито и перекопано. Нет, наверное, ни одной плиты или камня, которые за несколько тысяч лет не простучали или не поковыряли пытливые искатели приключений – вроде вас, вы уж извините... Стены били кайлом, крушили ломami и даже неоднократно взрывали динамитом. Все исторические факты свидетельствуют о том, что внутри ничего нет! На что же вы рассчитываете? Что заставляет вас верить?

– При всём моём уважении, господин секретарь... Как бы это бессмысленно ни звучало, но в моём бизнесе весьма часто главными игроками являются судьба и случай. Я не ученый и не историк. И слава богу! Эти чертовы доктора наук будут на всё смотреть с точки зрения доказуемости научной теории, согласования фактов и прочей схоластики. По таким критериям в мировой истории вообще не найдётся ни одного достоверного факта или события. Если у нас нет отпечатков пальцев Христа, то значит, его никогда и не существовало! Если в сети нет видео с записью проповедей, то их никогда и не было! В век научного прогресса и поголовной информатизации мы привыкли доверять только говорящим куклам из телевизора. Не осталось места логике и здравому смыслу, не говоря уж о вере. Я, разумеется, не верю в то, что у левой лапы Сфинкса спрятан вход в подземелья, а под правой лапой захоронены Свитки Знаний. Или что в пирамиде Хеопса остались какие-то неоткрытые помещения. Хотя, с другой стороны, только через тысячи лет кто-то додумался поискать вентиляционные шахты в Камере Царицы, несмотря на всю очевидность такого предположения. Путь в разгрузочные камеры также был открыт сравнительно недавно...

– То, каким образом он был открыт, не имело ничего общего с наукой! Взрывая стены динамитом, можно было открыть всё, что угодно. Такой способ познания не делает чести никому!

– Согласен с вами. Археология – это всегда сдерживание своих возможностей. Ты рядом с целью, но не можешь войти, пока всё не будет изучено и измерено. Поражаюсь вашему терпению, господин секретарь. Для меня всё намного проще – я просто пришёл и взял то, что мне нужно, и мне потом не следует бегать кругами с рулеткой и писать отчеты для научного журнала. А что ваша археология? Умирающая наука. Как это ни печально, но у неё нет будущего. Когда вы откопаете последний скелет доисторического человека и склеите последний глиняный черепок, то что останется археологам на ближайшие сто-двести лет? Ковыряться в помойках и мусорных полигонах современности? Если раньше культурный слой формировался поколениями, то сейчас он прирастает метрами только за полгода. Да и что интересного

останется после нас? Оглянитесь вокруг – весь мир завален сломанным барахлом и использованной упаковкой. Если при виде любого предмета из Древнего Царства ты испытываешь неподдельное восхищение, удивление, восторг, то поделки современного хайтека не вызывают никаких эмоций и движений души. Кто будет восторгаться выброшенным на помойку кухонным комбайном или жестянкой из-под «колы»? Боюсь, что нашим потомкам наш мир будет неинтересен, и мест в музее для нас точно не найдется. Да и к чему музеи? История нашего мира уже оцифрована, проиндексирована и выложена в Интернете. Археологи будущего будут изучать наши «черепки» не на раскопках, а сидя за монитором.

– Ну это вы уж слишком... Могут исчезнуть отдельные профессии, но наука останется. И уж – поверьте мне – на мой век работы хватит. Дай бог, если здесь, в Египте, откопали хотя бы треть от того, что до сих пор погребено в песках. Да возьмите хотя бы этот ваш затонувший корабль – вам посчастливилось найти только один, а сколько их ещё лежит на дне морей и океанов?

– Отличный аргумент, господин секретарь! Мы деловые люди. Полагаю, что по нашему основному вопросу мы целиком и полностью договорились. Каждый из нас получит то, что ему нужно, и при этом никто никогда не узнает об истинных причинах произошедшего. Да, собственно, ничего ведь такого и не случится, не так ли?

– Не случится, если всё пройдет гладко. Вам-то легко говорить. В этих делах вы большой мастер. Случись что – и вам ничего не стоит сменить имя и на время исчезнуть. Иметь неприятности с законом для вас не впервой. А для меня любая огласка будет смертельной. Имя, репутация, карьера – всё пойдёт прахом... Археология для меня – не просто работа. Она объединяет для меня всё то, о чём я только мог в этой жизни мечтать – воображение, интеллект, действие и даже в некотором роде приключение. И я действительно боюсь это потерять. Поэтому моя роль в предстоящем деле будет сведена к минимальному участию. Безусловно, я выполню свою часть договора, но не более того.

– Мне больше и не нужно. А всё то, о чем вы сейчас говорили – воображение, интеллект, действие, приключение – и есть сокровенная сущность нашего дела. Нам остаётся лишь пожелать друг другу удачи в его благополучном завершении.

Двое понимающе посмотрели друг на друга и встали из-за стола. Иностранец и египтянин скрепили свое соглашение рукопожатием и попрощались. Что это была за договоренность, и о чём они так долго говорили в этот поздний час – для всего остального мира оставалось полной загадкой. Египтянин снова надвинул шляпу на глаза и вскоре исчез в уличной толпе. Иностранец, однако, не спешил уходить. Он попросил ещё кофе и устроился поудобнее в ожидании другого гостя. Через пару минут рядом с кафе остановилась машина такси, за рулём которой сидел молодой человек. На этот раз можно было точно сказать, что это был никакой не иностранец, а просто местный араб, ничем не отличающийся от остальных своих соотечественников на улице. Он, однако, очень аккуратно и на удивление медленно припарковал свою машину, что выглядело довольно-таки странно для каирского таксиста, большинство из которых не различало тротуар с проезжей частью. Захлопнув дверцу, он сначала внимательно осмотрелся по сторонам, затем медленно направился к столику, за которым его ожидал уже знакомый нам мистер Джон.

– Как дела, Саид? Есть ли новости по нашему делу?

– Да, мистер Джон, хорошие новости. Вскоре наш кандидат прибывает в Египет.

– Ты готов его встретить?

– Конечно. Мои друзья в коптском квартале уже приготовили для него познавательную экскурсию по местным достопримечательностям. Будет интересно.

– Смотрите там, не переусердствуйте с местной экзотикой. Всё должно быть в пределах разумного. Другой кандидатуры у нас нет, а «Крот» уже почти у цели.

– Не волнуйтесь, всё будет в полном порядке. Я всегда буду рядом.

Плато Гиза

Ближе к полудню раскалённое солнце повисло над самой вершиной пирамиды и заставило людей, прежде находящих спасение в её тени, перебраться под защиту навесов и внутрь разрушенных гробниц. Всё живое поспешило исчезнуть с открытого пространства, и только караульные, выставленные по краям плато, продолжали стоять на своих постах, всматриваясь вдаль. Но ничто не привлекало их внимания в этих пустынных краях. Ни человек, ни зверь, ни птица – никто не желал быть здесь, в том месте, где заканчивались плодородные берега Нила и начиналось Царство Мёртвых.

Повсюду, насколько хватало глаз, простирались пески с редкими скальными выступами. Вдалеке, в туманном мареве, можно было различить ещё несколько вершин, подобных тем, что стояли на плато.⁷ Расстояние и движение нагретого воздуха исказили их размеры, и отсюда, с возвышенности, казалось, что они тонут в море песка.

Пустыня была неподвижна. Как вдруг на горизонте появилась черная точка; окутанная облаком пыли, она быстро приближалась. Ближе к плато всадник придержал коня. Быстрый ход здесь был опасен, обломки камней и скрытые под песком провалы уже покалечили несколько лошадей из его отряда. Черный как смоль скакун опасливо пробовал копытом незнакомую почву. Но всадник был спокоен и уверен в своём коне. Халиф знал, что пока он на Черной Молнии, ему нечего бояться. Ведь это только белый конь, согласно поверью, приносит неудачу в бою.

Аль-Мамун восхищённо смотрел на пирамиды. Издалека, из глубины пустыни, они казались ещё более величественными, чем даже вблизи. Пробыв рядом с ними несколько дней, халиф только сейчас ощутил всю неземную силу и великолепие устремлённых к небу вершин. Он думал – каким же могущественным и мудрым был тот правитель, по приказу которого народ Египта воздвиг столь невероятные сооружения. Был ли он избранным, наделённым высшим знанием и силой, или же он был простым смертным? Что можно было сказать о человеке, не видя его лица и не зная его имени?

Но, глядя издалека на треугольники пирамид, с трудом верилось в причастность людей к их строительству. Казалось, только высшая сила могла сотворить такое. Человек же, если и был, то всего лишь непосвящённым инструментом в руках Творца. И этот человек не оставил нам своего имени. Нигде, ни на одном из камней, не было ни знака, ни рисунка с упоминанием того, кто же был хозяином каменных гор. А может, в этом и заключалось его истинное величие – не возносить себя в памяти потомков? Да, этот человек был прав – имя будет забыто, а пирамиды будут стоять вечно... Так же был прав и поэт, сказавший:

*Коль цари хотят, чтобы помнили величье их —
Говорят они тогда языком строений.
Иль не видишь ты – пирамиды крепко стоят ещё,
Не меняются под ударами событий...*

И сколь велико было его прежнее могущество, столь же печально было видеть его сегодняшней упадок. Песок пустыни медленно и бесповоротно заносил храмы и остроконечные обелиски. Великая цивилизация канула в вечность, оставив после себя только развалины некогда процветающих городов и предания о былом величии. Всегда и везде неизменно всё заканчивалось этим. Греки, римляне, персы – никому ещё не удавалось отложить определенный им срок. Персам было предсказано править миром тысячу лет. Всемогущие маги, пытаясь обма-

⁷ Пирамиды, построенные фараоном Снофру, отцом Хеопса.

нуть судьбу, меняли даты событий, оттягивая неизбежный конец. Но когда время пришло, ничто уже не могло спасти их от гибели.

Царь персов покорил все области и разделил их на четыре части. И он сделал себе четыре перстня – по перстню на каждую часть своего царства. И первый перстень был перстень моря, стражи и охраны, и он написал на нём: «Власть»; второй был перстень подати и сбора денег, и он написал на нём: «Процветание»; третий перстень был перстнем продовольствия, и на нём было написано: «Изобилие», а четвертый был перстень жалоб, и на нём он написал: «Справедливость». И этот обычай утвердился и оставался у персов, пока не пришёл ислам. И старые обычаи были забыты и уступили место новым.

Что осталось после них? Что останется после него? Какая сила сначала возносит на вершину, а затем низвергает вниз страны, народы и правителей? И если есть возможность избежать падения, то где она скрыта, в какой мудрости? Если бы он только мог знать, как ему удержаться на своём пути, не исчезнуть бесследно среди этих песков!

Эту мудрость знал строитель пирамид. Все знания – лишь капля из его моря, все времена – лишь час из его жизни.

Как сделать так, чтобы и его имя поминали и записывали до конца времён?

Каир

Кто не видел Каира – тот не видел мира! (Книга Тысячи и одной ночи)

Быстро пройдя все таможенные формальности, Виктор оказался на земле Египта. Его первый визит в эту загадочную страну начинался довольно-таки банально, без каких-либо приключений и таинственных обстоятельств. Обычный тур, купленный в обычной турфирме на самое что ни на есть обычное направление – Хургада. Такова была его первая полученная инструкция – он должен был приехать в Египет в числе сотен тысяч других туристов, ничем не выделяясь из общей массы и не привлекая к себе внимания. Как сказала Светлана: «У вас будет несколько дней, чтобы осмотреться и привыкнуть. Постарайтесь в это время ни о чем не думать и просто отдохните...»

Ещё находясь в Москве, Виктор поначалу дал волю воображению; ему всё казалось, что это путешествие должно начаться непременно как-то необычно, в стиле шпионского боевика: он должен будет тайно проникнуть в страну, пройдя через пустыню на верблюде, выйдя из моря с аквалангом или приземлившись с парашютом на голову Сфинксу. Понимая всю нелепость таких предположений, он, тем не менее, каждую секунду ожидал появления каких-то необычных обстоятельств и перемен, подтверждающих важность и серьёзность его миссии. Несмотря на то, что цель его поездки была обозначена более чем недвусмысленно, та часть его натуры, что ещё не успела повзрослеть и оставалась погружённой в юношеские мечтания, отказывалась верить в рациональность и обыденность происходящего, отдавая предпочтение фантазии и воображению.

Но ничто вокруг не подтверждало его предположений. Даже Африка казалась какой-то приземлённо-прозаичной, совсем не такой, как он представлял себе по книгам или фильмам. В Африке, говорил он себе, должно быть жарко, очень жарко. Песок просто обязан был плавиться под ногами, а всё живое вокруг искать убежища в скудной тени от одной-единственной пальмы, чудом уцелевшей посреди пустыни. Виктор опасался, что в первый же день его буквально испепелит беспощадное африканское солнце. На этот случай он даже взял с собой пару флаконов какого-то солнцезащитного крема. Однако приятный освежающий ветерок, постоянно дующий в Хургаде, делал жару вполне переносимой. Солнечные лучи не жалили остро, а мягко согревали. Сам город, бывший когда-то неприметным рыбацким посёлком, затем военной базой, вытянулся вдоль побережья непрерывной полосой отелей, не являя заезжим туристам никаких особых достопримечательностей и роскошных видов. Основной достопримечательностью, изумляющей иностранцев даже более, чем храмы и пирамиды, был единственный на весь город светофор, впервые установленный здесь аж в 2009 году. Этот светофор, вошедший во все туристические справочники мира, был не меньшей достопримечательностью и для местных жителей. По крайней мере, воспринимать его по назначению они решительно отказывались и сигналы его благополучно игнорировали. Для них это был просто большой красивый фонарь, установленный властями для утешения заезжих туристов.

Несколько дней прошло в расслабленном безмятежном существовании под теплым африканским солнцем... Каждый вечер, включая ноутбук, Виктор с нетерпением ожидал появления новых инструкций. Но почтовый ящик был неизменно пуст, и он уже начинал сомневаться, не случилось ли каких перемен в его соглашении с «Мистери Тур». Возможно, думал он, кто-то из руководства, посмотрев на невероятные затраты, связанные с этим проектом, поспешил немедленно от него отказаться и свернуть финансирование. Возможно, всё это изначально было какой-то нелепой ошибкой; очередным неудачным предприятием, в которое он, по своейственной ему безрассудности, умудрился впутаться. Особой тревоги он всё же не испытывал – как-никак, но все его расходы были полностью обеспечены и даже более того. Ему по-преж-

нему была доступна внушительная сумма денег, и в этом он мог быть совершенно уверен. Некоторое беспокойство доставляла только оторванность от информации. По условиям контракта он не мог самостоятельно искать связи с московским офисом и обращаться туда за поддержкой. Все возникающие вопросы ему предстояло решать самому. Из имеющихся в его распоряжении контактов у него был записан только один телефонный номер, но звонить по нему разрешалось исключительно в случае крайней необходимости, почти в безвыходной ситуации. Что это могла быть за ситуация и на какую он мог бы рассчитывать помощь – он не имел ни малейшего понятия. Оставалось только ждать.

Наконец наступила долгожданная перемена. Открывая письмо электронной почты, Виктор ожидал увидеть в нём подробно расписанный план, маршрут, места остановок, карту с отметками, снимки местности или что-нибудь в этом роде. Одним словом – задание к миссии, как в компьютерных играх. Но сообщение было крайне немногословным. Оно содержало только дату, время и название следующего пункта назначения. Это был Каир.

Каир... Виктор задумчиво закрыл глаза. Вот то место, где непременно стоило побывать! Уж там-то точно будет на что посмотреть! Каирский музей, пирамиды... Надо будет обязательно посетить пирамиды! Как так – быть в Египте и не увидеть пирамиды? Непременно, непременно... Как хорошо, что это будет именно Каир, а не какой-нибудь захудалый городишко вдали от главных дорог! И куда бы ни завел его дальнейший путь, Каир казался отличным началом этого пути. Путешествие начиналось! Охваченный волнением, он тут же принялся собирать рюкзак. Ему не терпелось поскорее отправиться в путь и сменить этот надоевший пляжный пейзаж на настоящий восточный колорит каирских улиц. Среди этих улиц ему предстояло найти одну. Он запомнил мудрёное арабское название и номер дома. Виктор не имел никакого представления, что могло располагаться по этому адресу, да это было и неважно. Вскоре он это выяснит. А пока надо обдумать предстоящий маршрут.

Ничего сложного в этой поездке Виктор не видел. Он уже знал, как будет добираться до Каира. В его распоряжении был весь арсенал средств. Как там говорила Светлана? «Вы можете передвигаться любым способом. Хотите – идите пешком, хотите – арендуйте самолет...» Самолетом, конечно же, было бы и быстро, и удобно. Но где здесь искать частных пилотов? Да и есть ли они вообще? А если они ещё и летают так же, как и ездят... Виктор вспомнил про единственный на весь город светофор, и желание воспользоваться услугами египетского воздушного такси пропало само собой. Ну что ж, самолет мы пропустим, а вот автобусом будет в самый раз. Автобусы на Каир отправляются из Даун-тауна, исторического центра города. В течение дня надо приобрести билет, решить все оставшиеся дела в отеле и потом он свободен. Можно будет посидеть в кафе и попробовать жареной верблюжатины. Говорят, вкусно.

Ближе к полуночи Виктор уже наблюдал из окна автобуса унылую однообразную картину. Пустыня тянулась во все стороны, насколько хватало глаз. Поначалу он пристально вглядывался в пейзаж в надежде увидеть какие-нибудь интересные картины из жизни ночного Египта, древние развалины или величественные обелиски. Но вскоре стало понятно, что эти пески будут простираться вплоть до самого Каира и ничего интересного не появится из придорожной тьмы навстречу запоздалым путникам.

Но стоило только взглянуть наверх – и там можно было увидеть невероятно красивые картины, созданные самой природой. Картины, от которых захватывало дух. Он никогда не видел такого огромного ночного неба с висящими на нём гирляндами ярчайших звезд. Внизу, под этими звездами, была только их пустынная дорога и бесконечное во все стороны море песка. А утром Виктор заворожено смотрел, как быстро восходит солнце в пустыне. За считанные минуты ночная тьма исчезла; звезды погасли, как лампочки в интерьере; смена декораций произошла столь стремительно, что сознание отказывалось в неё поверить. После такого захватывающего зрелища уже не оставалось никаких сомнений в том, почему древним египтянам пришлось в голову выбрать солнце объектом своего поклонения.

Тем временем автобус въезжал в город. Каир был огромен, необъятен. Впрочем, для Виктора, привыкшего к масштабам Москвы, это не казалось чем-то необычным. Да, это был большой город. Но он всю жизнь прожил в большом городе и не привык удивляться. Удивление он приберег для настоящей экзотики, признаки которой он с нетерпением высматривал в окружающих улицах. Но пока что городской пейзаж по большей части напоминал провинциальный областной центр с невзрачными малоэтажными постройками. Когда автобус наконец остановился под какими-то шоссевыми развязками, Виктор был немало удивлен, узнав, что это и есть центр города – площадь Тахрир. Вокруг не было видно никаких небоскребов, поражающих воображение и заставляющих запрокинуть голову, никаких сверкающих ультрасовременных отелей или переплетённых башен с перекинутыми мостами.

Тут же на него обрушилась вся местная экзотика в лице назойливого таксиста, горячо предлагавшего свои услуги на арабском языке. Случись такая ситуация в зале прилета московского аэропорта, он бы молча прошел мимо. Но здесь идти было некуда. Он очутился совершенно один в огромном незнакомом городе, где все вокруг говорили на непонятном языке, где даже надписи на указателях были на арабском.

Виктор растерялся. Его первоначальный план был таким: общественным транспортом добраться до выбранного заранее отеля, расположиться, отдохнуть, и затем направиться на поиски указанной улицы. Но усталости он не чувствовал, из вещей у него был только рюкзак, и особой надобности в отеле он пока не испытывал. Можно было сразу приступить к поискам улицы, а затем устроить всё остальное. Хорошо, подумал Виктор, так мы и сделаем. Да и на такси это будет сделать легче. Надо только договориться с этим местным извозчиком, а то ведь он всё равно не отстанет. Вот только как с ним изъясниться?

Виктор с недоверием посмотрел на хитроватого водителя и его потрепанную машину с треснутым лобовым стеклом. Водитель, излучая гостеприимство, широко улыбнулся, всем своим видом давая понять, что это, мол, нормально и здесь все так ездят. Садись, прокачу! Стоявшие поблизости машины были ничуть не лучше, и Виктор наконец-то решился. Забравшись на заднее сиденье, он хотел было сказать таксисту название улицы, но тот не стал слушать и сорвался с места в карьер.

– I need this street. Go to this street, please... – Виктор пытался показать водителю название улицы на карте, но тот гнал, обгоняя ветер. На слова Виктора он не обращал никакого внимания и только согласно кивал головой.

– Окей, окей! – повторял водитель, одной рукой вертя баранку, а другой держа листок с названием улицы. Прочитав это название, он вдруг резко ударил по тормозам и с недоумением посмотрел на своего пассажира.

– Sure this street? – спросил он, собрав все свои познания в английском. Добродушная улыбка на его лице сменилась подозрительным выражением. Что-то в названии улицы или в самом Викторе его очень сильно удивило или даже насторожило. Виктор повторил:

– Yes, I need this street.

Убедившись, что Виктор не шутит, таксист решительно протянул руку и потребовал:

– Pay now! Money now!

Получив в свои руки купюру, он немного успокоился и снова надавил на газ. Машина вновь оказалась в плотном дорожном потоке. Водитель теперь угрюмо молчал и совсем не улыбался. Он, наверное, очень устал от этих странных туристов – сядут тебе в такси и лопочут что-то по-своему, тыча пальцем в карту, и пойдти пойми, куда и зачем им нужно. Особенно если им нужно в те места, где не очень-то любят иностранцев с фотоаппаратами...

Вскоре они прибыли на место. Точнее сказать, водитель притормозил на изрядном расстоянии от указанной улицы, ничего не сказав пассажиру. Махнув рукой в нужную сторону (ваша улица за тем поворотом!), он поспешил убраться из неблагополучного района. А то, что этот район был далеко не благополучный, было понятно уже издали. Прежде всего в ноздри

ударил резкий запах гниющего мусора. Огромные кучи этого мусора виднелись повсюду. Даже не кучи, а целые многометровые горы, доходящие порой до окон верхних этажей. Похоже, что коммунальные службы в этой части города работали из рук вон плохо, если работали вообще. Такая свалка не могла бы образоваться даже за месяц – мусор здесь не убирали годами. Он был повсюду: на улицах, на крышах, в проходах. Упакованный в огромные мешки, перевязанный веревками и просто живописно разбросанный под ногами. Рваные картонные коробки, пустые пластиковые бутылки, жестянки, старое тряпье, объедки – здесь можно было увидеть всё, что когда-либо только выбрасывалось рукой человека в мусорный контейнер.

Поначалу Виктору показалось, что этот район давно заброшен и превращён в свалку, и здесь нет ни одной живой души. Да и как можно было жить на этой помойке, среди всех этих отбросов и зловония? Но вскоре ему пришлось убедиться в обратном. Эти улицы были обитаемы, а в покосившихся от ветхости домах жили люди. И не какие-нибудь потерявшие человеческий облик клошары и люмпены, а вполне себе нормальные на вид горожане. Здесь были магазины, уличные торговцы, кофейни. Он увидел детей, идущих в школу, и детей помладше, спокойно играющих среди мусора – так, как будто это был какой-нибудь Диснейленд или детская площадка. Ни отвратительный запах, ни угроза обрушения мусорных «эверестов» нисколько их не смущали. Да и родители, похоже, были только рады тому, что дети не отвлекали их от важного дела – переборки и сортировки этого самого мусора.

Вскоре Виктор понял, что жизнь этой городской окраины целиком и полностью связана с мусором. Его и не должны были отсюда убирать. Как раз наоборот – мусор свозили сюда всеми видами транспорта, раскладывали везде, где только было можно, и затем тщательно перебирали, сортируя по видам отходов. То и дело по узким улочкам проезжали нагруженные доверху грузовички и пикапы; там, где для машин не было места, тюки перевозили ослики, запряжённые в тележки. Самодельные краны поднимали мешки на крыши, где они хранились в ожидании переработки. Оттуда же, сверху, доносился рёв и мычание какой-то скотины, бляение коз, кудахтанье кур. Вероятно, местные жители содержали наверху своеобразные фермы с домашними животными, потреблявшими органическую часть отходов.

Если бы не эти странные обстоятельства, то обстановку вокруг вполне можно было бы сравнить с запущенным спальным районом в каком-нибудь провинциальном городишке. Мрачного вида кирпичные коробки и однообразные стены серого пыльного цвета были ещё не самым удивительным пейзажем. Уходя всё дальше и дальше в дебри мусорного города, Виктор стал замечать и более интересные жилища. Дома были построены без какого-либо архитектурного и строительного плана, абы как. Строили, судя по всему, как бог на душу положит, из того, что было под рукою на данный момент. Бетонные плиты, кирпичи, доски и просто камни шли порой вперемешку, заставляя усомниться в надёжности конструкций. Стены возводились исходя из доступного места, давая в результате сложные геометрические формы и изгибы фасада. Лабиринты улиц заканчивались тупичками. Дома редко были выше нескольких этажей. Крыш как таковых не было вообще, их заменяли недостроенные верхние этажи, в обязательном порядке утыканные дюжиной спутниковых антенн. Если бы представилась возможность взглянуть на этот район с высоты птичьего полета, то возникло бы впечатление, что над этим местом только что пронёсся разрушительный ураган, оставив после себя на крышах кучи мусора, битого стекла и горы автомобильных покрышек.

Как оказалось, местные жители не слишком-то были рады незнакомцам. То и дело Виктор ловил на себе недоброжелательные взгляды и слышал в свой адрес глухое ворчание. Он также заметил, что с самого начала за его передвижением кто-то очень внимательно наблюдал, следуя за ним на расстоянии. Это был не один человек, а несколько. Они шли за ним по следу, как хищники, подстерегающие добычу, не решаясь пока напасть. Время от времени он терял их из виду, но неизменно эти люди тенью возникали у него за спиной. Виктор ускорил шаг. Не ожидавший такого «теплого» приема, он уже и не думал о поисках своей улицы. Да и как

её было искать? Спрашивать у местных он опасался. Табличек с указанием улиц и номеров домов нигде не было видно. Таблички, наверное, сами жители снимали и сдали в мусор... Одним словом, надо было отсюда как-то выбираться. Зачем он вообще сюда сунулся? Здесь, как и в джунглях, он не смог бы обойтись без помощи проводника. Для такой экскурсии требовался толковый египтянин, хорошо говорящий по-английски, со своей машиной и знанием окрестностей. Надо добраться до цивилизации, найти такого человека и уже завтра вернуться в эти трущобы.

Стоп! Куда идти дальше? Он очутился в тупике. Здесь уже не было мусора, но и сами дома казались полностью заброшенными. Не было видно ни спутниковых антенн, ни натянутых между ними бельевых веревок (показательное соседство!), ни бродячих котов, по-хозяйски рыскающих среди развалин, ни их хозяев. Дома являли собой полное запустение. Для полноты картины не хватало только угрюмого вида аборигенов. Вскоре они и появились – те самые молодые люди, что неотступно следовали за ним по улицам мусорного города.

У Виктора как-то сразу не возникло сомнений насчет их намерений. «В лучшем случае – ограбят, в худшем случае – убьют» – промелькнуло у него в голове, и он тут же бросился бежать. В первый попавшийся дверной проём, по темному коридору на прогнившую лестницу, через опрокинутый на полу холодильник, споткнувшись о какие-то трубы, проскочив комнату без окон, снова на лестницу через несколько провалившихся ступенек, на крышу соседнего дома, оттуда на тротуар, бегом в переулок, снова в дверь... Из-под ног с визгом выскочила перепуганная кошка, сам Виктор был напуган ничуть не меньше; он уже не знал, куда ему бежать и где укрыться. За собой он слышал шум погони. Те люди что-то громко кричали ему вслед, и это заставляло его бежать ещё быстрее. Наконец он оказался в пустой комнате на верхнем этаже. Его преследователи были где-то внизу рядом. Украдкой выглянув в окно, он заметил одного из них на улице. Другие обходили соседние дома, проверяя двери. Виктор понял, что на этой территории у него нет шансов уйти от погони, надо было искать какой-то другой выход...

Что же делать? Звонить в полицию? Ну разумеется! – у него же есть телефон! Но что им сказать – где он находится, что с ним случилось? Говорят ли они вообще по-английски? Тут он вспомнил, что в памяти его телефона сохранён московский номер офиса «Мистери Тур». Ситуация была совсем не игровая, он попал в реальную передрагу! Куда ещё оставалось звонить? В «Мистери Тур» обязаны помочь, ведь это по их воле он оказался здесь, посреди этой огромной помойки. В трубке что-то зашуршало, забулькало, и вместо привычных гудков бесстрастный механический голос изрёк: «Набранный вами номер не существует...»

«Я так и знал, так и знал...» – молнией пронеслось у него в голове. С самого начала эта история была не к добру, ой не к добру! Он сразу же припомнил наспех расставленную мебель в офисе «Мистери Тур», неловкую секретаршу Ирину, не знавшую, как обращаться с кофе-машиной, подозрительно обаятельную Светлану, совершенно непохожую на серьёзного менеджера, всю эту странную историю с «изучением спроса» – и, к своему великому страху, внезапно понял, что его попросту обманули, вовлекли в какую-то неведомую авантюру! Ну в самом деле – где ещё можно было встретить столь «серьёзную» фирму, которая обещала миллионы первому встречному и при этом не имела собственного офиса? Где ещё на столе у секретарши мог стоять неподключенный к системному блоку монитор? Ведь сразу же было понятно, что декорации были развернуты непосредственно перед его приходом; Ирину наняли по объявлению в газете; одноразовый сайт в интернете нужен был только для приманки легковерных простаков, а невероятно привлекательная Светлана должна была окончательно развеять все его сомнения и заставить подписать договор. И как легко он повёлся на это! Очаровался ангельским обликом Светланы, впечатлился обещанием долгожданных перемен, расслабился при мысли о быстром и лёгком достатке...

К черту! Анализировать мы будем после. А сейчас, раз уж номер офиса не отвечает, то это и есть тот самый случай, о котором говорила Светлана. Виктор всё ещё хотел верить, что

Светлана никак не могла быть замешана в этом чудовищном обмане. Нервно путаясь в цифрах, он не сразу смог набрать «экстренный» номер. Послышались гудки, затем характерный щелчок. Кто-то на другом конце линии взял трубку, но не спешил ответить, молча ожидая первых слов от своего собеседника.

– Здравствуйте! Меня зовут Виктор. Я не знаю, где я сейчас нахожусь...

– Вы находитесь в городе мусорщиков, – ответил ему голос на совершенно правильном русском языке.

– Где?

– В городе мусорщиков, – повторил таинственный голос.

Виктор не знал, чему и удивляться – родному языку собеседника или названию того места, где он очутился.

– Какой ещё город мусорщиков? Разве я не в Каире?

– Разумеется, вы в Каире. В той его части, куда обычно не водят туристов. Это Маншият Насир, или Заббалеин, или Город мусорщиков. Там очень много всякого мусора, как вы уже, наверное, заметили.

– К черту мусор! Мне срочно нужна помощь! За мной гонятся какие-то головорезы. Они загнали меня в угол и...

– В самом деле головорезы? Быть может, они просто хотели показать вам дорогу? С чего вы вообще взяли, что у этих людей плохие намерения?

Виктор готов был закричать. Этот человек имел наглость над ним издеваться! Шутки шутить вздумал! Он здесь пропадает, а ему там смешно!

– Я совершенно серьёзно! Я на верхнем этаже какой-то развалины. Они прочёсывают соседние дома, скоро и до меня доберутся! И уж точно не для того, чтобы показать дорогу! Пришлите кого-нибудь, позвоните же, наконец, в полицию!

– Ну уж нет! Встреча с полицией как раз не входит в наши планы. Что вы там говорите? Укрылись на верхнем этаже? Это крайне неразумно – оттуда бежать некуда. Спускайтесь скорее вниз! По правде говоря, мне самому лень к вам туда тащиться...

Виктор ошалело слушал этого человека и ничего не мог понять. Что значит – без полиции? Как это он собирался «тащиться» к нему наверх? Он что – где-то рядом?

– Успокойтесь, дружище, – продолжил голос, – лучше посмотрите в окно. Я здесь, внизу!

Теперь Виктор вообще ничего не мог понять. Или тот человек играл с ним в какую-то непонятную игру, или это дурной воздух на него так подействовал. От стоящей в воздухе вони действительно можно было сойти с ума. Виктор опасливо выглянул в окно, стараясь не выдавать своего расположения. Но его, как назло, тут же заметили. Внизу стоял человек с телефоном и приветливо махал рукой. Что-то в этом человеке показалось ему знакомым, он его уже где-то видел... Да не может быть! Это же тот самый таксист, который и привез его сюда! Вот это номер! А ещё прикидывался дурачком, плохо говорящим по-английски. А, ну да! – надо было говорить с ним по-русски. Только теперь Виктор обратил внимание на то, что собеседник говорил с некоторым незначительным, но всё-таки заметным акцентом. В остальном его речь была безупречной, такого знания языка можно было достичь только годами проживания в стране. Вероятно, этот парень когда-то подолгу бывал в России. От этой мысли Виктору стало немного легче, и он уже не боялся выйти из своего убежища. Да и какой смысл был теперь прятаться? Через минуту он уже стоял внизу, а загадочный таксист пожимал ему руку:

– Всё в порядке, не стоит волноваться! Меня зовут Саид и я позабочусь о вашей безопасности. Эти люди – мои друзья. Мы просто хотели посмотреть – как далеко вы сможете зайти в этих краях. Надо сказать, достаточно далеко! Вы почти выбрались. Вон за теми домами будет железная дорога и граница Города мусорщиков. А за ней начинается Город мёртвых...

Виктор сделал вид, что не расслышал последнюю фразу. Город мёртвых... Не хватало ему только ещё и туда попасть. Его преследователи вблизи оказались вовсе никакими не голо-

ворезами. Эти люди смеялись и шутили, дружески похлопывая его по плечу. Со стороны могло показаться, что старинные товарищи встретились после долгой разлуки, вот только один из них почему-то выглядел немного испуганным и побледневшим. Убедившись, что убивать его точно не будут, Виктор приободрился:

– Ну хорошо. Я так понимаю, это было моим заданием, и я с ним справился. Куда мы теперь?

Саид не спешил ответить. Как и в первую минуту их знакомства, он только широко улыбнулся, жестом руки давая понять, что пока не готов обсуждать эту тему.

На вид ему было что-то около тридцати пяти лет. Внешне он заметно отличался от своих товарищей. Те были простыми людьми из народа, с некоторой грубостью и приземлённостью в лицах. Здесь же был человек из другого теста. В его взгляде, внешности и манерах проглядывало некое скрытое благородство, глубокий и сильный характер. Первоначальная маска хитроватого плута куда-то исчезла, и сейчас перед Виктором стоял сдержанный, дисциплинированный человек, привыкший, судя по всему, ставить перед собой цели и их добиваться. Он несомненно был арабом, но точно не египтянином, – его черты лица слишком отличались от того типажа, к которому Виктор уже успел привыкнуть за время пребывания в Египте. Это скорее был тот, рождённый в недрах аравийской пустыни, образ чистокровного араба со своим четко очерченным профилем, узким подбородком, заметными губами и ноздрями, тонкими изящными пальцами сильных рук. У него была отлично сложенная фигура, преисполненная силы и молодости, но в противовес этой физической энергии тела черты лица выражали некую свойственную представителям его народа вековую усталость и изнеможённость, возникшую из ощущения своей исконной древности, определённую духом и ветром пустынь, суровостью этих мест. В нём не было и следа той показной суетливой деятельности, столь присущей западному человеку, – только уравновешенная рассудительность жителя Востока. Таков был этот образ, сохранившийся неизменным за тысячелетия и так мало взявший извне за пределами своих границ.

Роль таксиста, по правде говоря, давалась ему с трудом. Такому человеку больше подошел бы образ молодого успешного руководителя или даже учёного. Но, несмотря на шутивную манеру разговора и обаятельную улыбку, в глубине его глаз скрывалась какая-то печаль, причины которой оставались для окружающих неизвестны.

Тем временем они вышли на одну из улиц. «Головорезы», громко смеясь, исчезли в толпе. «Таксист» (теперь это слово также можно было взять в кавычки) подвел Виктора к стоящему невдалеке фургону и распахнул двери:

– Сейчас мы отправимся в гости к одному человеку. Он очень хотел вас видеть. Прошу! Располагайтесь поудобнее, путь неблизкий.

Виктор с недоумением заглянул внутрь транспортного средства. Весь фургон был забит мешками с мусором, только одна сторона была более или менее свободна, если не считать торчащей из-за отгородки ослиной морды.

– Сюда? Вместе с ослом? А как же ваше такси? Я не поеду в этом мусоровозе!

– Давайте, давайте, забирайтесь, пока моё предложение в силе. Впрочем, если хотите, можете и остаться. Но имейте в виду, что скоро наступит ночь, и вам будет крайне неудобно на этих улицах. Да и чем вам не нравится эта повозка? Вполне себе достойный транспорт для нашего дела. Помимо скорости, манёвренности и комфорта, обладает ещё и тем преимуществом, что на нём мы можем легко и просто заехать в любую часть города, не вызывая никаких подозрений.

«Ну а тот, кто внутри, не сможет увидеть, куда его везут. Ловко придумано!» – сообразил Виктор и, зажав нос, полез внутрь. Желание поскорее выбраться из города мусорщиков возобладало над сомнением. Осёл в загородке приветливо шевельнул ушами и посмот-

рел на него большими печальными глазами. Осли можно было понять – он всю жизнь провёл на этой помойке и не видывал лучшей доли.

Двери захлопнулись, и машина тронулась с места. Через небольшой люк в крыше пробивалась тонкая полоска света и поступал свежий воздух. Впрочем, пока они не покинули пределы гостеприимного Города мусорщиков, воздух никак нельзя было назвать свежим. Когда дышать стало немного легче, Виктор догадался, что они уже где-то в самом Каире. Фургон долго трясся по улицам, поминутно останавливаясь в пробках и издавая истошные сигналы. Осёл вторил им на повышенной ноте. Одним словом, вся долгожданная экзотика была здесь, в наличии.

Наконец мотор заглох, двери распахнулись, и Виктор обнаружил себя в гараже какого-то дома. Саид пригласил его пройти на лестницу, на второй этаж. Остановившись у двери, он произнес:

– Мы пришли. Я пока что прощаюсь с вами, у меня в городе много дел. Встретимся позже. Идите, вас уже ждут...

Джон, искатель приключений

Его действительно ждали. У самого порога Виктора встретил человек, лица которого он не сразу смог разглядеть в темноте. Незнакомец обрадовался ему, как старому другу и скороговоркой произнёс:

– Так это и есть наш незадачливый искатель приключений? Признаться, я ожидал увидеть на вашем месте человека помоложе, хотя, впрочем, страсть к приключениям никак не связана с возрастом. Если ты болен этим – то на всю жизнь! Ну что ж... Вам удалось более или менее удачно добраться до оговорённого места, и одно это вселяет в меня надежду на благополучный исход нашего дела. И хотя и само это место, и всё ваше паломничество к нему не имели ровным счетом никакого значения – вы удивлены? – я всё-таки рад вас приветствовать в конце этого пути. Вы, наверное, уже догадались, что именно здесь вас и ожидает то, ради чего и был затеян весь этот «Mystery Tour»... Кстати, как вам предыстория с туроператором? Не могу не похвалиться – это целиком и полностью была моя идея! Чуть позже я вам расскажу, как был организован весь этот «кастинг», назовём это так, а пока что – добро пожаловать, мой новый друг, в компанию таких же, как и вы, странников! Я вижу в ваших глазах множество вопросов и целый ворох сомнений. Это неудивительно. Но, прошу вас, наберитесь терпения и не спешите навстречу к ответам! Всё будет в своё время... Возможно, вы сейчас думаете, что это какой-то нелепый розыгрыш или часть игры, но, позвольте мне вас уверить, – все розыгрыши уже в прошлом, а настоящая игра ещё впереди!

Человек, произнёсший эту речь, по-дружески, как будто они сто лет были знакомы, крепко пожал Виктору руку и пригласил его пройти к столу, заваленному бумагами и каким-то оборудованием. Среднего роста, плотного телосложения, одетый в потёртые джинсы и клетчатую ковбойскую рубашку, он был похож скорее на водителя снегоуборочной машины, нежели на солидного представителя туристического бизнеса. Впрочем, у Виктора уже не оставалось никаких сомнений насчет того, что хозяин этого дома не имеет ничего общего с законопослушным бизнесом любого рода. В комнате, где они находились, источником света была одна только настольная лампа, и поначалу Виктор не смог как следует разглядеть внешность таинственного незнакомца, встретившего его на пороге. Но вскоре его глаза привыкли к полумраку, и он с любопытством огляделся вокруг.

Комната на втором этаже дома была похожа не развёрнутый в полевых условиях штаб какой-нибудь спасательной экспедиции: на нескольких стеллажах стояли работающие ноутбуки и системные блоки; деловито перемигивались индикаторами сетевые устройства, источники бесперебойного питания и прочая техническая начинка, понятная лишь посвящённому специалисту. Виктор моментально оценил класс оборудования и прикинул, что на этих полках чем-то усердно занимается компьютерная техника на весьма солидную сумму. Вероятно, решаемая ею задача стоила таких денег. На стене висел здоровенный экран, дюймов этак под пятьдесят, на котором время от времени пробегала заставка в виде непонятных цифровых групп.

– Не желаете ли водки? – незнакомец ловко извлёк из холодильника запотевшую бутылку и щедро плеснул в стакан.

Виктор поморщился. Наверное, только иностранцы думают, что русские готовы пить водку в такую жару. Хозяин, заметив его гримасу, добродушно рассмеялся:

– Понимаю, понимаю... Возьмите-ка лучше стакан сока. Полагаю, вы ждёте от меня объяснений, не так ли?

– И не только объяснений, но ещё и извинений за этот дурацкий спектакль. Мне пришлось несколько часов проторчать на этой ужасной помойке. Я почти забыл, чем пахнет настоящий свежий воздух.

– Да, действительно, местечко там не из тех, куда обычно водят туристов... Здесь вообще таких достопримечательностей хоть отбавляй. Погостите здесь недельку-другую – и я вам такое покажу, что на всю жизнь впечатлений хватит. Вы не поверите – люди здесь живут не только на помойках, но и на кладбищах...

– Это как? – Виктору вдруг пришло в голову, что после города мусорщиков его запросто могут поселить где-нибудь на кладбище. Поэтому он на всякий случай переспросил. – Вы имеете в виду живых людей?

– Разумеется, не мёртвых. Людей здесь много, нормального жилья на всех не хватает, а жить где-то надо... Вот они и выбирают себе на местном кладбище склепик покрасивее, переносят туда свои пожитки и живут рядом с усопшими как ни в чем не бывало! Так возникают целые районы со своей инфраструктурой, школами, магазинами. Почтальоны разносят почту, «дома» покупаются и продаются. Всё официально. Недвижимость, знаете ли, всегда остаётся в цене, какой бы она ни была...

Незнакомец вышел из тени на свет, и у Виктора появилась наконец возможность разглядеть его получше. Это был уже немолодой человек, очевидно, давно разменявший свой пятый десяток, но всё ещё выглядевший подтянуто и молодо. О его возрасте можно было судить лишь по морщинкам, собранным в уголках хитро прищуренных глаз и редящим волосам на большой круглой голове. Быстрые и уверенные движения рук, беглая речь, живой взгляд – всё это говорило о том, что, несмотря на свой возраст, душа его по-прежнему была полна юношеского задора и энергии. С чисто выбритого лица не сходила доброжелательная улыбка, которая, в сочетании с добродушным взглядом и тихим голосом всячески располагала к себе собеседника. Позабыв свои прошлые тревоги и сомнения, Виктор немного успокоился и настроился на доброжелательную волну, исходящую от незнакомца. Вскоре он узнал его имя.

– Меня зовут Джон. Не уверен насчёт фамилии – только в этом году у меня их было несколько... Простите великодушно, но эту часть знакомства мы, пожалуй, пропустим. Знаете ли, издержки профессии... Но я думаю, что и без фамилий мы замечательно поладим, не так ли, Виктор Алексеевич?

Виктор почему-то нисколько не удивился такой презентации. Игра это или нет, но игроки подобрались незаурядные, и его место на шахматной доске ему пока неизвестно. Виктор подумал, что, пожалуй, он слишком рано расслабился, и ему пока что не следует особо доверять этому странному Джону Нет Фамилии. Тем более, что слова, сказанные им вскоре, заставили Виктора не на шутку разволноваться:

– Не будем откладывать надолго предмет нашего разговора. Вам же не терпится узнать, зачем вы здесь? Перейдём сразу к делу. Итак, я предлагаю вам принять участие в одной весьма необычной и уникальной операции. Это одновременно и невероятно увлекательнейшее приключение, и чертовски выгодное дельце! Редкое сочетание этих двух достойнейших обстоятельств! После удачного, как я надеюсь, завершения этого предприятия, мы все станем очень и очень богатыми людьми, что само по себе уже неплохо. Но, помимо осязаемой материальной выгоды, мы получим и нечто большее – незабываемое приключение и воспоминания, которые не купить ни за какие деньги! Сейчас в вашей жизни появляется шанс, вероятность которого для других близка к бесконечности. Из всех тех нескольких миллиардов, населяющих нашу планету, я выбрал именно вас. Пусть даже поиск и был сильно ограничен определенными соображениями, но те варианты, что рассматривались, делают ваш выбор уникальным. Только по этой причине вам уже следует согласиться, даже не зная, что это будет на самом деле...

– Вы уж меня извините, но я хотел бы всё-таки сначала узнать. О чём идёт речь?

– Вам приходилось когда-нибудь в детстве искать воображаемый клад или играть в морских разбойников? Лазить по деревьям во главе своих головорезов и устраивать крепость в старом заброшенном доме? Видеть в подвале крепко запертую дверь и предполагать, что за ней скрывается вход в таинственное подземелье? Тогда вам должно быть знакомо это ощущение

неизвестности, тайны, ожидание открытий и приключений. Это давно забытое ощущение вкуса жизни, лёгкости бытия, которое бывает только в детские годы, а затем куда-то навсегда исчезает. Я предлагаю вам именно это – пробуждение от тяжкого свинцового сна, в который превратилась ваша нынешняя жизнь, глубокий и полный глоток свежего воздуха! С одной лишь только разницей – клад, который мы ищем, – самый что ни на есть настоящий! Итак, что вы думаете об этом?

– Что касается моей жизни, то я уж как-нибудь сам с ней разберусь. Хотя, в чём-то вы и правы – она уже давно не доставляет мне удовольствия. А в остальном я думаю, что вы в детстве не наигрались в пиратов или разбойников...

– Вы правы – большинство относятся к нам, как к заигравшимся в детство подросткам. Искать клады, охотиться за пиратскими картами – это вполне уместно, когда вам от девяти до тринадцати лет, ну а потом пора бы и повзрослеть. Со временем большинство, как и следовало ожидать, благополучно взрослеет и принимается искать себя в общепринятых областях – учеба, работа, карьера. Детские мечты забываются. В какой-то момент времени я тоже забыл о своих мечтах. Как и большинство, я пошел по пути, на который был запрограммирован типичный представитель моего поколения в соответствии с моим социальным статусом и происхождением. Благочинные родственники желали увидеть во мне достойного продолжателя семейных традиций. Учёба в престижном колледже, почти решённый вопрос с работой – всё это было ожидаемо и не сулило никаких внезапных перемен.

Но совершенно неожиданно исполнение этой программы было прервано, и мне довелось избрать другой, совершенно безумный с точки зрения благоразумного общества, жизненный путь. Я мог бы стать юристом или управленцем, но, согласитесь, их и так девать некуда... Зато охотников за сокровищами затонувших кораблей – единицы. Что привело меня к этому? Случайность, иначе и быть не могло. Скажу вам по секрету – и здесь во взгляде Джона промелькнул тот загадочный блеск вперемешку с лукавой хитринкой, который Виктор впоследствии отметил для себя как «пиратский» – в детстве у меня было весьма необычное хобби. Все мои друзья и сверстники собирали кто марки, кто монеты, кто ещё какую-нибудь ерундовую коллекцию. Кто этим не болел в школьные годы? Я же – вы только не смейтесь! – решил собирать коллекцию кораблекрушений. Именно так, вы не ослышались, – кораблекрушений! Всему причиной была книга, которая случайно попала мне в руки в двенадцать лет. Не помню уже автора и названия, но в ней так интересно было расписано про знаменитые морские трагедии, гибель кораблей, шторма, опасные рифы и течения, что я уже не мог оторваться, пока не прочитал её всю от корки до корки за несколько дней! Меня это как-то поразило, задело, заставило дать волю фантазии и воображению. Романтика дальних странствий, наполненные ветром паруса, солёные брызги волн – всё это не давало мне покоя, раздвигало горизонты, уносило за рамки обыденной жизни. По ночам мне снились выброшенные на берег бригантины и расколовшиеся на мели супертанкеры, порой я видел в тумане силуэт бесследно исчезнувшего в Атлантике рудовоза, поднимался на палубу корабля-призрака, покинутого командой много лет назад...

С тщательностью, несвойственной моему юному возрасту, я начал собирать материалы о катастрофах и происшествиях на море. Я собирал газетные вырезки, много переписывал от руки, пропадал в библиотеке за чтением книг в то время, когда мои сверстники гоняли мяч во дворе. На каждую тему у меня была заведена отдельная папка: была подборка отдельно по затонувшим судам, папка для пожаров на борту, папка для столкновений и прочие категории. Но особенно мне нравилось наполнять папку, на обложке которой красовался старинный пиратский корабль с черным флагом на мачте. Там хранились материалы о потерянных галеонах с грузом золота, исчезнувших в разные времена в разных водах, истории о знаменитых пиратах и спрятанных ими кладах... Поймёте вы меня или нет, но именно эта часть морских приключений притягивала мое внимание наибольшим образом. Я мечтал когда-нибудь найти сундук с позеленевшими от сырости монетами, названия которых сами по себе звучат

как сокровище – дублоны, динары, пиастры... Спуститься на дно к пиратскому бригу и поднять на поверхность старинный пистолет, рукоятку которого обвивает змея с глазами из драгоценных камней!

Тогда я и предположить даже не мог, насколько эти наивные детские увлечения впоследствии смогут серьёзно повлиять на мою дальнейшую жизнь. Поначалу всё складывалось для меня именно так, как и должно было быть – престижный колледж и работа юристом в одной из крупных страховых компаний. Я уже и не вспоминал о затонувших кораблях и потерянных кладах. Но вот однажды...

Наша контора занималась страхованием грузовых перевозок по всему миру. Был в ней и отдел, специализирующийся на морском праве. Там сидели почтенные джентльмены, назубок знающие все тонкости этого дела: морские регистры, Зелёную и Красную книги,⁸ международное право и прочие премудрости своей профессии. В этой работе дела никогда не доверяются новичкам – слишком велики порой бывают суммы страховых выплат, и далеко не каждому бывают по зубам витиеватые формулировки правовых актов. Попробуйте, например, разобраться, в английском законе о пиратстве, принятом ещё в 1837 году!

Я в то время занимался скучной рутинной подготовкой документов, выполняя чуть ли не секретарскую работу. День ото дня мои пальцы барабанили по клавишам печатной машинки, глаза болели от сотен страниц документов, скука одолевала меня невероятно. Перспектива провести свои самые лучшие годы в духоте пыльного офиса среди стеллажей и полок с копиями судебных постановлений не внушала мне никакого оптимизма. Я чувствовал, что такая жизнь – совершенно не мой выбор, и никакие соображения достатка и благополучия не смогут заставить меня с ней смириться. Поэтому я был чертовски рад внезапно открывшейся возможности отправиться в срочную командировку в одну из стран Южной Америки, где у наших подопечных клиентов возникли проблемы с местными властями.

Дело было пустяковое, из разряда «бракоразводных процессов» – требовалось всего лишь засвидетельствовать допущенные нарушения и подготовить исковое требование. Никому из наших старичков-долгожителей не хотелось отправляться в далекий полудикий порт на атлантическом побережье, бывший некогда, в былые времена, пристанищем пиратов и мало продвинувшийся с тех пор на путях цивилизации. Мне же такая прогулка была только в радость. Сделав для предосторожности все необходимые прививки, я отправился в дорогу и уже через неделю беспечно разгуливал по старинной каменной набережной портового города, наслаждаясь прекрасными видами и отличной погодой. Дела в суде шли своим чередом, мне удалось досрочно договориться о снятии ареста с задержанного груза, миссия казалась почти выполненной, и я уже собирался в обратный путь, как вдруг вновь возникшие обстоятельства вынудили меня отложить возвращение...

Требовалось срочно предоставить в головной офис документы, подтверждающие дату захода в порт судна, бывшего предметом разбирательства. За этим делом я отправился в местный архив, где мне пришлось долго объяснять плохо понимающему мой испанский сотруднику цель своего визита. После продолжительного копания в стеллажах, служащий извлёк на свет большую пыльную папку, из которой во все стороны торчали пожелтевшие растрёпанные страницы. Подивившись такой манере хранения документов, я направился к своему столу и приготовился вдыхать архивную пыль. Но как только я увидел первые записи, то сразу же понял, что это была не та папка. Далеко не та...

Сотрудник архива ошибся примерно на двести пятьдесят-триста лет – это были записи, относящиеся к середине восемнадцатого века. Поначалу я хотел было вернуть их назад, но что-то заставило меня перелистнуть ещё пару страниц. Судьба, наверное... Как вдруг мой взгляд остановился на одной записи. Название корабля и время его появления в этих местах показа-

⁸ Зелёная Книга, Красная Книга – нормативные документы британского судоходного регистра Ллойда.

лись мне чем-то знакомы – я уже где-то видел и это странное имя, и эту дату. Ещё не осознавая толком, в чём именно кроется возникшая странность, я углубился в чтение, чтобы выяснить, когда же это судно покинуло порт. Но, перевернув последнюю страницу, я понял, что этого точно не случилось в течение, по крайней мере, пятидесяти лет. Корабль, вероятно, никогда больше не вышел в море. С ним непременно что-то должно было случиться в этих водах. Я чувствовал, что нечто странное. Отложив в сторону документы, я задумчиво сидел, пытаюсь вспомнить, какие же воспоминания были у меня связаны с найденным кораблём...

Джон внезапно замолчал, схватился рукой за грудь и зашёлся в сильном приступе кашля. Лицо его сделалось красным от нахлынувшей крови, на лбу выступила испарина, глухой хриплый кашель, казалось, разрывал его изнутри. Прижимая ко рту платок, он принялся шарить рукой по столу, перебирая предметы, пока не ухватился за баллончик с аэрозолем. Запахло лекарством. Джон, обессиленный, рухнул на стул и наконец-то смог перевести дух:

– Прошу вас, простите, у меня это иногда бывает. Как-то раз я имел неосторожность слишком быстро подняться с глубины на поверхность. Сильно тогда повредил лёгкие. С тех пор временами тревожит. Да ещё и возраст... Надеюсь, вам интересна моя болтовня?

Виктор молча кивнул головой. Неожиданно дружеское откровение человека, с которым он едва успел познакомиться, произвело на него двойственное впечатление. С одной стороны, он привык опасаться таких слишком открытых людей. Простота и доверительность в его понимании были хорошо замаскированным намерением говорящего подчинить себе волю собеседника и проникнуть в его сокровенные мысли. Что Джону отчасти и удалось. Рассказанная им история затронула в душе Виктора давно забытые переживания, напомнила о его детских несбывшихся мечтах. Разве не мечтал он в свои юные годы о далёких берегах и затерянных островах в океане? Разве не хотел он первым ступить ногой на необитаемый берег? Джон определённо умел найти подход к людям. Как истинный пассионарий, он обладал способностью передавать окружающим заряд своей энергии, направлять её избыток на созидательное изменение мира. Такие знатоки человеческих душ обладают удивительной способностью быстро приноровиться к складу ума собеседника и выгодно этим воспользоваться: умному польстить, глупца одурачить, вопрошающему дать ответы, а ищущему – надежду. Именно это ощущение надежды и посетило вдруг Виктора, он с интересом ожидал продолжения рассказа. Джон тем временем окончательно справился со своим кашлем и вернулся к разговору:

– Что я там говорил? Ах да, «Дева Атлантики»... Так назывался этот корабль. Но я расскажу вам о нём немного позже, вы уж меня простите. Слишком долгая история, да и не по нашей теме. В другой раз, мой друг, в другой раз. Скажу вам только одно – за эти несколько минут в архиве моя жизнь изменилась раз и навсегда! Через некоторое время я осуществил свою первую операцию, поднял свой первый золотой сундук! Это был даже и не сундук, ну да это и неважно... Я понял тогда, что это будет смыслом всей моей жизни, моей единственной любовью и увлечением. И я не ошибся с выбором профессии. Оказалось, что поиск сокровищ – это весьма выгодный бизнес! Вложение денег столь же рискованное, как и покупка акций, но при этом куда как более интересное. Азарт, приключения и бешеный адреналин вместо скучной конторской работы. Удачные операции по всему миру, поиск затонувших кораблей. И полная свобода. Сейчас, уже будучи в зрелом возрасте, когда романтика молодости слегка выветрилась из моей головы, я четко понял, что именно это ощущение принадлежности самому себе и есть то самое ценное приобретение, полученное мною за все эти годы. Не деньги, не достаток, а именно возможность распоряжаться своей жизнью без оглядки на обстоятельства. Впрочем, без денег это опять же недостижимо, здесь одно следует из другого, круг замыкается... Черт возьми, время от времени приходится работать не для души, а для оплаты счетов...

– Кажется, я догадываюсь... Вы здесь для того, чтобы неким образом пополнить свои сбережения, не так ли? Будем грабить банк? Или музей?

– Что вы! Упаси вас бог! Я не преступник, мы не грабим банки и не берём заложников! Всё гораздо проще – то, что мне нужно, как правило, лежит у всех на виду и никак не охраняется. Надо только увидеть это и поднять. Понимаете – просто увидеть и поднять! Поднять из-под земли, поднять из-под воды... Цель достигается разными средствами. Одни стреляют и прибегают к насилию, другие ловко дурачат доверчивую публику. А моё оружие – это книги, карты, пожелтевшие от времени письма. К своим операциям я готовлюсь в тишине библиотек, за чтением старинных книг. И тем более ценен оказывается полученный результат, когда ты знаешь, что в основе успеха была не грубая сила, не вычерпывание океана ложкой, а тонкий расчет, тщательная работа и, в результате, – только одно верное погружение в одной только правильно выбранной точке!

Но на этот раз я не планирую погружений. После того неудачного подъёма, который чуть было не стоил мне жизни, я уже редко спускаюсь под воду. В этот раз всё будет совсем по-другому – от океана воды я обращаю свой взор на океан песка. Две совсем непохожие друг на друга стихии: податливая мягкость воды и непрístupная твердость камня! И – самое главное – я берусь за это дело не столько из-за денег, а скорее по той причине, что это, возможно, одно из самых увлекательных и неповторимых приключений, которые только можно себе представить! Для меня это как *opus magnum* всей моей жизни, блистательный итог всей карьеры. Возможно, после этого дела я уйду на покой и буду выращивать клубнику на грядках. А вот вы ещё молоды – нет, нет, не возражайте! – сорок лет не тот возраст, когда душа умирает, а тело стремится к дивану. Если человек в состоянии продлить для себя то состояние молодости, когда ты смотришь на мир восхищенными глазами и чего-то от него хочешь, пытаешься в нём что-то изменить и что-то узнать, то в любом возрасте жизнь будет интересной. Для вас это может стать новым началом, новой возможностью изменить абсолютно всё. Мне кажется, я почти что вас убедил... А, Виктор?

– Признаться, вы меня задели. То, о чём вы сейчас говорите, мне по-своему близко и понятно. Было бы мне пятнадцать лет, я бы, наверное, не раздумывая бросился навстречу неизвестности. Но мне уже действительно сорок, и за прожитые годы во мне накопилась изрядная доля скепсиса и цинизма. Я не могу слепо довериться первому встречному. Тем более, вы так и не сказали, что это за дело, ради которого я должен, позабыв осторожность, рискнуть своей, пусть и не совсем благополучной, но всё же стабильной жизнью.

– Поверьте мне, скоро вы об этом узнаете. Открыть вам все карты сейчас – значит, лишить вас половины той информации, без которой понимание предстоящего дела будет весьма затруднено. А дело-то предстоит не из легких... Это не простая игра на удачу. Здесь каждая деталь, каждая мелочь будут иметь вес и значение. Чтобы добиться успеха, мы должны четко себе представлять, с чем нам придется столкнуться, а без определенных знаний это, увы, невозможно.

Джон вернулся к столу, достал из ящика пухлый блокнот в кожаной обложке и открыл его на отмеченной закладкой странице.

– Давайте начнём издали. Сейчас я покажу вам один рисунок. Так, ничего особенного... Просто посмотрите и скажите – что вы на нём видите?

В руках у Виктора оказался листок бумаги, на котором довольно грубо, без соблюдения размеров и пропорций, были изображены две фигуры – квадрат и треугольник. Или даже не квадрат, а ромб, судя по тому, как он был повернут внутри треугольника. Линии фигур были толстыми и неряшливыми; похоже, что рисовали от руки, и в этой руке было нечто далёкое от привычных нам письменных принадлежностей. Так, к примеру, можно было начертить углём на стене. Виктор, ожидавший увидеть нечто необычное, был разочарован и недовольно пробурчал:

– Я вижу здесь только треугольник и квадрат... Вы мне что – зрение проверяете?

– Как ни странно, но ваше зрение уже проверено. – улыбнулся Джон. – И это одна из тех причин, по которой вы здесь. Что же касается рисунка, то, да, правильно, это треугольник и квадрат. Хотя, если точнее, – квадрат внутри треугольника. Но об этой особенности чуть позже. Ничего не напоминает? Какие-нибудь ассоциации?

– Ну если только урок геометрии... Вроде как теорему Пифагора доказывали, вписывая квадрат в треугольник или как-то так. Но я в этом, признаться, и тогда ничего не понимал, а уж сейчас и тем более.

– О, да я удивлён! Вы ещё что-то вынесли со школьной скамьи! Возможно, у вас и по истории были хорошие отметки?

– Не могу похвастаться особыми успехами. День взятия Бастилии – честно скажу – не помню. А что там с моим зрением?

– Оно по-своему уникально. Странно, что до сорока лет вы об этом не подозревали. Взгляните-ка сюда.

И он положил перед Виктором ещё один листок бумаги, весь сплошь покрытый цветными кружками, как будто кто-то рассыпал цветное драже.

– Посмотрите-ка внимательно, что здесь изображено? Не торопитесь с ответом.

Виктор взял лист в руки. Поначалу ничего, кроме цветных пятен, не привлекало его внимания. «Да здесь ничего нет!» Как вдруг на секунду-другую в его глазах промелькнула молния, пятна поплыли и задвоились, и среди хаоса красок явно проступила цифра 9. Виктор зажмурился, поднёс картинку ближе к глазам; за этим малым движением цифра исчезла, потом появилась снова; казалось, пятна на картинке живые, они движутся навстречу друг другу, прячутся, меняют свой цвет. Вот уже вместо девятки в зеленой дымке задрожал и задвоился силуэт тройки. Виктор догадался, что видит не то, что изображено на самом деле, но, как он ни пытался увидеть за девяткой что-либо иное, это что-то было неуловимо взглядом.

– Что за черт! Что это?

– Это дихромазия, мой друг. Есть такая аномальная особенность зрения, связанная с цветоощущением. Вы неспособны видеть один из трёх основных цветов. Но не стоит из-за этого переживать и волноваться – такая особенность никак не влияет на другие зрительные функции и совершенно не мешает вам в обычной жизни. Готов поспорить, вы об этом раньше и не знали. Миллионы людей живут с такими глазами и даже не подозревают об этом до поры до времени!

И тут Виктор припомнил – а ведь действительно, время от времени у него возникали проблемы с пониманием тех или иных цветов. В каких-то мелких жизненных ситуациях он никак не мог определить, где зеленый, где коричневый, а где красный. Помнится, работая на прокладке компьютерных сетей, он не мог без посторонней помощи найти в кабеле коричневый провод, постоянно путая его с зеленым.

– Теперь-то я понимаю, для чего на сайте «Mystery Tour» была устроена та форма с цветной регистрацией! Вы ждали, пока кто-нибудь не введёт цифры, невидимые для человека с нормальным зрением!

– Совершенно верно! Для нашего дела мне как раз и нужен человек с таким зрением. Когда наступит решающий момент, он должен будет увидеть то, что не дано увидеть другим...

– Так что же это такое, черт возьми?

Джон довольный откинулся на спинку стула, наслаждаясь своим осведомлённым положением. Нетерпение и любопытство Виктора были признаками того, что его попытки заинтриговать совершенного незнакомца достигли своей цели. Виктор попался на крючок и уже не хотел оставаться без ответов. В руках у Джона снова оказался его потрепанный блокнот, была открыта очередная страница и, с видом строго школьного учителя, он пристально посмотрел на сгоравшего от нетерпения Виктора.

Его следующий вопрос был совершенно неожиданным:

– Скажите мне, Виктор, – а что вы знаете о пирамидах?

Что вы знаете о пирамидах?

– Да собственно, то же, что и все – пирамиды построил фараон Хеопс тысячи лет назад. Камни в них настолько плотно сложены, что между ними нельзя просунуть даже лезвие ножа... Там его и похоронили. Пирамиды – одно из семи чудес света. Не могу ничего вспомнить о размерах...

– И не нужно, оставим цифры для учебников. Проще говоря, дружище, вы не знаете о них ничего, кроме расхожей фразы о семи чудесах света. Увы! Сегодня человек с улицы намного больше знает о жизни гламурной тусовки, нежели об одной из величайших загадок древности! К сожалению, это и есть та история, которую мы вынесли со школы. Не правда ли – очень скучная и неинтересная дисциплина? Запоминание дат и событий, раздел такой-то, параграф такой-то, вопросы по теме... Никакой романтики, никакой основы для размышлений, негде развернуться фантазии и воображению! Вместо истории нам вбивали в голову хронологию событий. Ещё и оформленную в соответствии с тем политическим строем, который осуществлял систему образования. Если пирамиды, то конечно же, злые узурпаторы фараоны, угнетающие трудовой народ. У вас в России, вроде бы, вся история была написана в духе коммунизма и классовой борьбы, вот даже и фараонам досталось. Если так, то вы наверняка вспомните, что на строительстве Великой Пирамиды было занято сто тысяч рабов, которые двадцать или тридцать лет под плётками вручную таскали многотонные камни. Это при том, что всё население Египта в то время от силы насчитывало миллион-другой человек, включая стариков и младенцев. Или они все от рождения и до смерти строили пирамиды, или же нам нужна другая версия с участием пришельцев. – рассмеялся Джон.

Помимо рабов и проклятия мумий есть ещё множество других устойчивых мифов и заблуждений, крепко засевших в мозгу обывателя ещё со школьной скамьи и далее только упроченных многократным повторением. К сожалению, в нашем современном медийном мире информация поглощается по образу гамбургера, без основательного пережёвывания и усвоения организмом. Расслабленный мозг *Homo Media* не в состоянии собрать воедино нахлынувший на него поток разрозненных фактов, поставить их в стройный логический ряд; он не привык к критической работе мысли, события и их причины стоят в его воображении особняком, без видимой связи, не опираясь на твердую почву здравого рассуждения.

Отсюда и атланты, и пришельцы, и боевой лазер Древних Египтян, и прочая ересь, приписываемая пирамидам. Современный человек привык к лёгкому и непринуждённому получению информации из интернета. Никто уже не читает книги и не стремится вывести истину как совокупность всех её составляющих – гораздо проще задать свой вопрос в поисковой системе и выбрать один из подходящих вариантов ответа. То, что раньше достигалось прочтением целой книжной полки, сегодня всего лишь вопрос пары секунд. Но, несмотря на некоторые неоспоримые преимущества такого подхода, следствием его стала очевидная бедность воображения. Постепенно, шаг за шагом, человек переходит от познавательного способа постижения мира к потребительскому. И чем дальше идёт время, тем заметнее становится это повсеместное нежелание изучать вопрос более того, что может дать очевидный ответ.

Раньше всё обстояло по-другому. Меня всегда поражала та глубина и основательность, с которой люди ещё каких-то сто лет назад умели получать и применять свои знания. Возьмите любой труд, написанный в позапрошлом веке. Как эти люди, зачастую не выходя за пределы своего кабинета и не используя всю эту современную *multimedia*, могли создавать фундаментальные работы, охватывающие разрозненные области знаний – уму непостижимо! Рядом с ними сочинения современных авторов выглядят просто как рефераты, скачанные из интернета. Не удивлюсь, если большинство из них таковыми и являются. Весь этот упадок мысли

в итоге приводит к тому, что наш мозг забит по большей части массой ненужных и бесполезных вещей, в которых теряются действительно значимые крупницы информации...

Видя понимание в глазах Виктора, Джон уверенно продолжил:

– Хотя в это и трудно поверить, но мало кто знает, что Хеопс построил лишь одну из трёх пирамид – ту, что называют Великой. Остальные две историки приписывают его сыну и внуку. Нет никакой суперточной кладки камней, между которыми не просунуть и лезвие ножа. При желании вы, конечно, найдёте в пирамиде с десяток блоков, где такое возможно, но этого слишком мало, чтобы быть чудом! В остальном же тело всего сооружения – это миллионы тонн необработанных камней вперемешку с песком и глиной. Там не то что лезвие ножа – местами и голова пролезет!

И почти никто не знает, что именно находится в пирамиде внутри. Даже те, кто там побывал. Туристический маршрут подразумевает посещение только Большой Галереи и Камеры Царя с саркофагом, другие помещения для туристов закрыты. А ведь есть ещё Истинный Вход, Подземная Камера, Камера Царицы, Эвакуационный Колодец и Грот... Про Колодец вообще отдельная история – тысячи лет он был засыпан и непроходим. А ведь это, на пару с Гротом, одно из самых загадочных и непонятных мест в пирамиде.

– То, что нам известно из учебников истории, – продолжил Джон, – не более чем догадки и домыслы. Не сохранилось никаких достоверных источников, описывающих пирамиды в период их строительства. Странно – до нашего времени дошло подробное повествование о том, как фараон Хуфу⁹ рассказывал своим сыновьям сказки о волшебниках и крокодилах, с тщательным упоминанием таких незначительных деталей, как количество кувшинов с пивом и мер хлеба, принесённых в дар душам предков. Но нет ничего, абсолютно ничего – ни одного документа, изображения или барельефа той эпохи со свидетельством того, когда, кем и с какой целью возводились эти непостижимые даже для нашего времени сооружения! И главное – каким образом? Переместить и обработать миллионы тонн камня даже сегодня, при современном уровне развития техники, это задача из области трудно решаемых. А четыре с половиной тысячи лет назад египтяне даже не знали колеса и железа! Это ведь был бронзовый век, черт возьми! Как они могли своими бронзовыми инструментами работать с гранитом, которой по твёрдости превосходит не то что бронзу, а само железо – непонятно до сих пор...

Геродот, которого называют отцом истории, дал первое известное нам описание пирамид. Он уделил им всего несколько строчек, потратив куда больше бумаги на другие, менее важные и значимые явления из жизни Древнего Египта. Отчасти это объяснимо – уже тогда пирамиды были глубокой древностью, и он не мог опираться на сколь-либо достоверные источники. С момента, когда первый камень лёг на плато Гиза, прошло почти две тысячи лет. Сами египтяне уже давно позабыли, кто и когда их построил. И то, что они рассказали Геродоту и что впоследствии тиражировалось на протяжении тысячелетий – это, как бы сказать... сказки Древнего Египта, рассказанные египтянами греческому туристу Геродоту.

Не удивлюсь, если уже тогда у подножия пирамид сидели люди с верблюдами и предлагали за бакшиш фигурки крашенных Анубисов, попутно сочиняя небылицы. Чего только стоит история о том, как, нуждаясь в деньгах для завершения строительства, Хеопс отправил в публичный дом свою собственную дочь! И та не только смогла заработать нужную сумму, но ещё и собрала камни для возведения своей собственной небольшой пирамидки. С каждого посетителя она брала не только деньги, но и просила принести ей один камень, из которых впоследствии и была сложена одна из малых пирамид – спутниц Хеопса. Надо быть поэтом, чтобы придумать такую красивую и почти по-библейски поучительную историю! (Добавим в скобках, что денег как таковых в те времена не было вообще...)

⁹ Хуфу – истинное древнеегипетское имя фараона Хеопса. Более известное нам имя Хеопс является его греческим вариантом.

Официальная наука считает пирамиду гробницей, то есть тем местом, где и был упокоен фараон после смерти. Об этом прямо свидетельствует сохранившийся до наших дней гранитный саркофаг в Камере Царя. В то же время, согласно Геродоту, Хеопс был похоронен не в самой пирамиде, а в подземных камерах под нею, на острове, окруженном водою. Что из себя представляло это место и как в него проникнуть – на этот счёт Геродот не оставил нам никаких намёков или прямых указаний, кроме единственного упоминания о том, что к нему ведёт канал от самого Нила. Ну да это и не важно, пусть будет ещё одна красивая история, уж слишком мало у нас оснований доверять «отцу истории». Хотя, возможно, он в чём-то был и прав – ведь нигде в Древнем Египте не практиковалось захоронение выше уровня земли, всегда только под землёю. И непонятно, почему вдруг для Хеопса могло быть сделано такое редкое исключение, и его саркофаг вознёсся аж на десятки метров от подножия пирамиды? Ещё одна загадка...

Тут, правда, есть один занятный момент. Совсем неподалёку от пирамиды расположено одно удивительное место, поразительно напоминающее то, о котором говорил Геродот. Это так называемая шахта Осириса. До недавнего времени она была затоплена грунтовыми водами и недоступна для исследований. Когда шахту удалось осушить, на самом её дне, на третьем уровне, обнаружилось помещение, в центре которого было сделано возвышение, своеобразный гранитный остров. Сохранились и остатки того, что можно было бы назвать каналом, когда-то заполняемым водой. Вряд ли это место предназначалось для захоронений, скорее всего, это была символическая могила бога Осириса, окружённая мифическими первозданными водами. Не об этой ли шахте рассказывали Геродоту его египетские экскурсоводы?

Наличие погребальной камеры высоко над землёй – лишь одна из множества загадок Великой Пирамиды. Как я уже говорил, в Египте много пирамид. Есть ещё Дашур, Саккара, гробницы более поздних династий. Но почему из всего множества похожих сооружений именно она на протяжении сотен лет привлекала к себе внимание? Размер, конечно же, имел значение. Будь она раза в два меньше – глядишь, туристы и обходили бы её стороной. А тут, как-никак, самая высокая постройка на Земле на протяжении почти сорока четырёх веков!

Из других её странностей можно отметить наличие вентиляционных шахт, разгрузочных камер, Большой Галереи – ничего подобного нет ни в одной из других пирамид. Когда мы говорим о Великой Пирамиде, мы применяем к ней правило трёх «Н» – «никто, никогда, ничего». Никто никогда ничего не находил внутри Великой Пирамиды. Ни одного предмета. А также ни одной надписи и ни одного рисунка, что более чем странно для монумента, призванного сохранить на тысячелетия память о великом правителе. Редкие исключения, о которых иногда упоминают, скорее лишь подтверждают это правило.

Итак, со времён Геродота и далее почти две тысячи лет всё только более запутывалось. Разные авторы в разное время оставляли противоречивые сведения о плато Гиза и о комплексе пирамид. Что из этого было правдой, что выдумкой, а что вольным пересказом более древних источников – сам черт не разберет. Расхождения в размерах, описаниях интерьера столь велики, что можно сказать точно – большинство из этих «очевидцев» никогда даже рядом не стояли с пирамидой и уж тем более не были внутри. Трудно сказать, по какой причине они не могли попасть внутрь – то ли вход был неизвестен, то ли забит песком и камнями. Или там просто уже не было ничего для них интересного?

Более или менее точные, приближённые к научным, исследования начались только после открытия Египта войсками Наполеона. Открытия, конечно же, в переносном смысле этого слова. Европа вдруг обнаружила у себя под боком огромный пласт давно забытой и неизвестной культуры. Эпоха просвещения была легко восприимчива к новым идеям, пусть даже с налётом древности. Возникла мода на Египет. Вместе с учеными и исследователями в страну хлынули толпы авантюристов и искателей сокровищ. Начались раскопки, а следом и разграбление найденного. Турецкий султанат, правивший тогда Египтом, не очень-то заботило рас-

хищение древностей этой страны. Черные археологи и даже целые правительства европейских стран беззастенчиво вывозили из Египта всё, что только можно было увезти.

В это время, впервые за тысячи лет, наконец-то были получены точные размеры пирамиды, расчищены и исследованы её внутренние камеры и проходы. Было найдено то, что на протяжении тысячелетий ускользало от внимания предшествующих посетителей Хеопса: вентиляционные шахты в Камере Царицы, путь в верхние Разгрузочные Камеры, место выхода Эвакуационного Колодца в Нисходящий Проход. Тогда же был открыт (точнее сказать – заново обнаружен) вход во вторую по величине пирамиду Хефрена, сына Хеопса. Это та самая пирамида, на вершине которой сохранились плиты древней облицовки. Удивительно, что ей так долго пришлось ждать своего часа. Тут сразу стоит сказать, что эта пирамида, впрочем, как и все остальные, также оказалась ограбленной в далёкие времена.

Открытия следовали одно за другим, расшифровка иероглифов позволила заглянуть в далёкое прошлое, бывшее до сих пор тайной. Но в этом прошлом так и не нашлось ответа на самый главный вопрос – как и для чего были построены пирамиды. Это только подстегнуло к ним интерес, заложило основу для последующих спекуляций и измышлений. И вот уже знаменитый авантюрист и мистик граф Калиостро утверждает, что ему довелось побывать внутри пирамиды и вынести из неё магические знания; в светских салонах рассказывают байки о призраке, явившемся Наполеону у саркофага. Или вот, послушайте, какой замечательный отрывок сохранился про Эвакуационный Колодец:

«Ибрагим, правитель Каира, велел опутать верёвками и спустить в колодец каторжника, осуждённого на смерть, ибо вина его была столь ужасна, что ему не нашлось подходящей казни на этом свете... Когда веревка оборвалась, несчастный ещё три дня с ужасными криками падал в крошечной тьме колодца, но чудом избежал смерти. Достигнув дна, он долго блуждал в поисках выхода, пока коридор не вывел его к дневному свету, далеко в пустыне. Вернувшись в Каир, он заслужил милость и прощение, был щедро одарён и отпущен на волю...»

И люди охотно в это верили! Пирамиды в те времена ещё оставались диким памятником, пока не избалованным вниманием массового туриста. Есть много упоминаний о ядовитых змеях и летучих мышах, кои в изобилии водились в темноте проходов, делая их опасными для посещения. Но это несколько не отпугивало пытливых исследователей. Постепенно при изучении пирамиды стали применяться вполне адекватные научные методы, к ней начали снаряжать экспедиции, публиковать научные труды. И это противостояние мистики и науки будет теперь нераздельно следовать за Великой Пирамидой вплоть до наших дней.

Ну а потом подтянулись и туристы. Специально к пирамиде стали организовывать речные круизы; пароходы подвозили джентльменов с сигарами и дам с зонтиками, которые устраивали пикники и развлекались тем, что стучали по саркофагу Хеопса, чтобы услышать издаваемый им звук. Рядом с саркофагом, чтобы не утруждать себя поисками подходящего предмета, специально для этого дела был оставлен здоровенный кусок камня.

Двадцатый век внёс своё разнообразие в эту древнюю историю. К счастью, власти Египта наконец-то поняли, что если толпы туристов будут и дальше стучать по саркофагу, или «археологи» будут взрывать динамит там, где им заблагорассудится, то очень скоро от пирамиды ничего не останется – банально растащат на сувениры.

Сегодня внутри пирамиды нельзя даже фотографировать. Теперь каждый желающий уже не может, как, допустим, лет двести назад, залезть в один из коридоров и поковырять камни в надежде, что вдруг за ними откроется дверь в сокровищницу фараона! Зато заплатив 100 фунтов и сдав на входе фотоаппарат, вы с группой туристов войдёте внутрь, поднимитесь по низким душным коридорам и своими глазами увидите саркофаг Хеопса. Но уже

не получится, как это сделал когда-то Наполеон¹⁰, постоять рядом с ним в одиночестве при свете факела и почувствовать истинное величие этого места, где четыре с половиной тысячи лет застыли в камне...

Пирамида просто не могла не стать предметом повышенного интереса и околонучных спекуляций. Невозможность объяснить её назначение и метод строительства, непонятная система внутренних ходов, весь масштаб сооружения – всё это породило многочисленные домыслы и теории. И тут как нельзя кстати пришлось то, что наш современный, совершенно материальный, технологичный мир оказался вдруг пуст без сказки и таинственных сил. Человеку удалось понять и объяснить, казалось бы, всё на свете. Силой разума мы смогли проникнуть в ядро атома, ступить на Луну, но никак не можем понять, каким образом и для чего наши далёкие предки воздвигли столь невероятные сооружения. Людей потянуло на мистику. Атланты, пришельцы, забытые боги и прочая ересь расцвели пышным цветом. По версиям о строительстве и назначении пирамиды написана почти такая же пирамида книг и статей. Космический радар пришельцев из Пояса Ориона, электростанция древних египтян, боевой лазер, машина времени, портал в иные миры... Каких только теорий не выдвигалось за последние годы!

Люди как будто бы не видят очевидной истины – на заре цивилизации, когда человечество только-только осознало себя разумным видом на этой планете, были возможны и такие непонятные современному человеку проявления сознания, как рукотворные каменные горы. Даже если нам и получится это объяснить, то не суждено будет понять. Мы уже совсем не те люди, которые населяли Землю четыре тысячи лет назад. Со времён неолита культура и сознание человека постоянно отдаляются от его природы, и сейчас этот разрыв увеличился настолько, что нынешний *Homo sapiens* уже практически ничего не знает о своём внутреннем содержимом и не может принять как должное многое из своей недавней истории. Мы ещё слишком слабы для того, чтобы понять сущность своего существования, и в большинстве случаев человек сталкивается с необходимостью привлечения бога для объяснения природы Вселенной. Пирамиды – лишь один из видимых вызовов нашему сознанию на пути к постижению этого мира. Простая загадка, которая не может быть решена. В этом и заключается их невероятная притягательность. Сейчас бы никому не пришло в голову на протяжении десятка лет вращать тяжеленные камни во славу вождя или бога...

– Это уже лучше. Значит, нам не придётся вступать в контакт с атлантами.

– Упаси бог! – лукаво усмехнулся Джон. – Мне достаточно нежелательных контактов с Интерполом!

– Так значит... Если я правильно вас понимаю – мы будем искать сокровища фараона?

– А с чего вы вообще взяли, что там были сокровища? Вот у Ленина в Мавзолее есть сокровища?

Этот простой вопрос как будто отрезвил Виктора, и мысль о сокровищах тут же показалась ему несусветной глупостью. Действительно, природа человека хранит в себе нечто неизменно общее для разных стран, эпох и народов. Нечто, что тянется за нами ещё со времён, когда наши далёкие предки сжимались от страха во мраке ночи, услышав, как ломаются ветки под тяжелыми лапами и как хрустят рядом чьи-то кости.

Это поклонение ночному небу. Приношение жертвы. Почитание и обожествление вождей. Вера в высшие силы и стремление хоть немного стать к ним ближе. Иначе чем объяснить, что вот уже восемьдесят лет самая известная мумия двадцатого века покоится в гранитном мавзолее в самом сердце Москвы? Ступенчатый мавзолей вполне мог бы назваться

¹⁰ Маловероятно, что Наполеон действительно поднимался в пирамиду и бывал в Камере Царя. Но этот анекдот многие почитают за истинный исторический факт и часто упоминают в связи с именем императора. Со временем он оброс мистическими подробностями того, как Наполеону рядом с саркофагом явилось нечто непостижимое, о чём он предпочёл не вспоминать даже на смертном одре.

маленькой пирамидкой. И созданный им культ вполне соответствовал идее божественного бессмертия. Десятки лет миллионы людей со всех концов Советского Союза приезжали в Москву, чтобы рано утром встать в длинную многокилометровую очередь, которая несколько часов медленно тянулась по улицам, подземным переходам, выходила на Красную Площадь и исчезала в дверях Мавзолея. Даже сами фараоны могли бы позавидовать такому почитанию и сохранению памяти об ушедшем правителе.

Виктор вспомнил, как он ещё ребенком вместе с родителями побывал в Мавзолее. Выходить пришлось очень рано, на улице только рассвело. В столь ранний час общественный транспорт не работал, и они шли прямо по трамвайным путям. Вечно суетливая Москва, казалось, вымерла. На пустых перекрестках странно смотрелись редкие прохожие и автомобили. Но вскоре людей стало больше, они двигались в одном направлении; через полчаса это был общий поток. Все шли молча, уже не было видно ни конца, ни начала колонны. Улицы менялись одна за другой, несколько раз они спускались в подземные переходы, казалось, что идти придётся весь день...

Его воспоминания прервал голос Джона:

– Неосознанно для самих себя, в двадцатом веке, в самом центре многомиллионного города вы построили пирамиду и похоронили в ней мумию! Вот вам дословный текст с официального сайта московского Кремля: «Мавзолей Ленина исполнен в виде ступенчатой пирамиды, и, являясь усыпальницей, подобен ранним египетским пирамидам...» А сколько народу лежит за Мавзолеем в Кремлёвской стене? И всё это было вполне естественно и воспринималось как нечто само собой разумеющееся! А пирамиды в Гизе, конечно же, поставили инопланетяне от нечего делать! Абсурд! Давайте подумаем – кем был фараон для жителей Древнего Египта? Воплощением бога на земле. Для чего богу сокровища? Во времена Четвертой Династии вообще не было такого понятия, как деньги и сокровища! Всё что угодно, но только не банальные денежные знаки! Да что бы там ни было...

Джон на секунду замолчал, подбирая слова и подводя итог своих рассуждений:

– Моё утверждение заключается в следующем – что бы там ни было в пирамиде изначально: мумия фараона, слитки золота, скрижали завета, урановый стержень или радио пришельцев – этого в ней нет уже тысячи, тысячи лет...

На этой фразе Виктор, до этого жадно ловивший каждое его слово, разочарованно и вопросительно посмотрел на Джона. Как ничего нет? Но ведь что-то должно быть! Иначе зачем они здесь?

Джон, если и знал ответ, то не торопился его оглашать. Он посмотрел на часы:

– О, мой юный друг, похоже, я утомил вас своими рассказами! Скоро наступит ночь...

Учитель

Ночь наступила внезапно. Они сидели у костра под огромным черным куполом неба, усыпанном миллиардами ярких звёзд. В этот час одиночество и безграничность пустыни соперничали по размеру с глубиной этого бездонного неба, на фоне которого старик и ребёнок были всего лишь ничтожными песчинками в океане песка. Они, дети пустыни, были рождены жить и умереть среди этих песков. Ни власть, ни богатство, ни племенная принадлежность не могли искоренить в их душах этого вечного стремления отправиться вглубь пустыни, раствориться в ней без остатка. Привычка к кочевой жизни и перемене мест навсегда определила им образ жизни и ощущение мира.

Тысячи лет их предки волна за волною двигались от гор Йемена через пески Аравии и обратно, пропитываясь духом и ветром пустынь. Запертые среди гор, морей и враждебных соседей, они долго не могли вырваться за пределы Аравийского полуострова. Сначала не могли, а потом уже и не хотели. Здесь они нашли смысл своих скитаний, обрели всемогущего Бога и веру. Когда-то соседи называли их «потерянными племенами». И быть бы им вечными пленниками пустыни или исчезнуть навсегда, как исчезают в песках высохшие реки. Так уже не раз случалось с другими народами, стеснёнными в одних пределах. Но пришло время – и, сплочённые словами Пророка, они сумели безмерно расширить свои границы, и сегодня под властью халифа полмира и будет больше!

Юный принц Абдаллах ибн Гарун¹¹ внимательно слушал слова учителя. Ему исполнилось всего лишь одиннадцать лет, но он уже был на вершине самой большой волны из тех, что когда-либо приходили с давних времён на эти земли. Сын могущественного халифа и его возможный наследник, он ещё не до конца понимал всей мудрости сказанных слов, но уже мог ощутить, как и его волна вливается в полноводную реку...

Старик подбросил в огонь пальмовых поленьев и продолжил:

– Когда люди теряли основу, и будущее казалось им неопределённым, некоторые из них уходили в пустыню, дабы там найти утраченные зёрна истины. Вдали от шума городов и тени оазисов они лучше слышали обращённые к ним послания. Так появлялись пророки. Числом их были тысячи от начала времён. Но не все могли воспринять дарованные им откровения. Многие из того, что Всевышний вкладывал в уста своих ангелов, не находило отклика и понимания в заблудших душах людей.

Старик достал из углей лепёшку, отряхнул её от золы и, преломив пополам, подал часть принцу. Лепёшки из муки, обжаренные в костре, были намного вкуснее изысканных блюд, подаваемых при дворе. Горсть фиников и глоток воды – что ещё нужно рождённому в пустыне?

Учитель знал ответы на все вопросы. Его мудрость была союзом опыта и знаний, приобретённых не за чтением книг, а за годы странствий и исканий. Хотя и книг он прочёл немало. Он обошел все пески пустыни, побывал у подножия гор Индии на востоке и у берегов великого океана на западе. Он был и солдатом, и ученым, и поэтом. Вместе с отцом Абдаллаха, халифом Аль-Рашидом, он участвовал во многих сражениях, как на поле боя, так и в тени дворцов, и был весьма осведомлён о жизни двора и об устройстве государства. Он также был сведущ в науке о звёздах, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана; читал книги и вытвердил их,

¹¹ Арабские имена являются сложносоставными. Фамилий как таковых не существует, а число имён собственных весьма ограничено. Поэтому повсеместно к основному личному имени добавляются определения, указывающие на родственные отношения, почётные титулы и прочие обстоятельства и признаки. Почётное имя Аль-Мамун («заслуживающий доверия, надёжный») было добавлено к личному имени принца гораздо позже, когда он был обозначен как преемник в линии наследования. Аббасидские халифы первыми ввели обычай брать себе титулы. Абу-ль-Аббас, первый халиф из этой династии, взял себе титул Аль-Сафхат – «кровопийца», что вполне соответствовало его деяниям.

принимался за дела и постигал их, выучил науки и познал их, изучил ремесла и усвоил их, и занимался всеми вещами и брался за них.

Старик был непохож на остальных приближённых ко двору, как внешним обликом, так и своими речами. Черты лица явно выдавали в нём чужеземца. И хотя его отцом, как говорили, был араб, всё же большинство отличий, среди которых сразу обращали на себя внимание прямые светлые волосы и такие же светлые глаза, он унаследовал от матери, невольницы, привезённой откуда-то издалека с севера. Сын невольницы, рождённый в неволе, он провел своё детство в корпусе гвардии, воспитываясь в преданности халифу и постигая тот чужой мир, который должен был заменить ему утерянную родину. Это была так называемая «дань кровью», живой налог, который платили халифу покорённые народы. Из невольников, взятых на службу ещё в детстве, вырастали жестокие и беспощадные воины. В их сердцах не было ни страха потерять свободу, которой у них никогда не было, ни привязанности к родной земле, утраченной навсегда, ни жалости к врагам, ибо некому было внушить им жалость и сострадание в те юные годы, когда душа ещё открыта и восприимчива к добру.

И вот сейчас, на склоне жизненного пути, по указу халифа старик был приставлен к юному принцу наставлять его в науках и совершенствовать его знания о мире. Но вряд ли халиф догадывался, что нередко вместо скучных дисциплин и книжной схоластики его сын и учитель садились на верблюдов и отправлялись в пустыню...

Абдаллах готов был слушать его рассказы хоть всю ночь. Слова его были полны волшебной музыки странствий. Соль морей, притяжение далёких берегов, невиданные звери и рыбы, пропитанный благовониями и пряностями ветер, зовущий в дорогу... Как будто караван из тысячи верблюдов, пришедший в Багдад из дальних стран Востока, раскрывал свои тюки с товарами на рыночной площади Аль-Карх, призывая жителей города увидеть диковинные заморские вещи и послушать рассказы об опасностях и приключениях. Как много интересного можно было узнать у торговцев, прошедших через безводные пустыни, бескрайние моря и высокие горы!

Во все стороны света шли суда и караваны; торговля для многих была не только ремеслом, но и способом познания мира, знакомства с его чудесами. Купцы отличались не только талантами неготиантов, но и поэтическими дарованиями, без которых порой невозможно было передать все те невероятные подробности и оттенки заморских путешествий. Что в их рассказах было правдой, а что вымыслом – казалось, они и сами уже не могли разобрать, просто допуская возможность и того, и другого. Сколько раз они теряли свой товар и верблюдов, подвергались нападению воинственных разбойников, тонули в Красном море, когда магнитные горы вытягивали гвозди из их кораблей, пропадали в море марка, где не было ни звёзд, ни солнца... А горящие пламенем горы? А медный всадник со свинцовой доской на груди? Вы не были там и не видели этого!

Каких только товаров они не предлагали на выбор в шумный базарный день! Из далёких северных стран славяне и франки поставляли шкурки бобров, меха черных лисиц, мёд, воск, войлок, оружие. Из Китая и Индии обратно в Европу шли благовония, ткани, драгоценности. Черная Африка испокон веков поставляла рабов и золото. В порту Басры ежедневно швартовались суда из Индии и Малайского архипелага с грузом драгоценных камней и минералов, китайского шелка и фарфора. Обратно они увозили продукты стран халифата: финики и сахар, стекло и хлопчатую бумагу. Неизменным спросом у заморских купцов пользовались тонко выделанные ткани и предмет особой гордости восточных мастеров – знаменитые персидские и армянские ковры. Из дня в день на торговых площадях Багдада сталкивались и обменивались своими товарами, мыслями и новостями два совершенно разных мира, Восток и Запад. Здесь соприкасались цивилизации и народы, шел обмен не только товарами, но и духовными ценностями и мировоззрениями.

Отовсюду стекался в Багдад и живой товар – рабы всех стран и народов. Были среди них чернокожие невольники из Нубии и Эфиопии, смуглые индийцы, греки, славяне. Торговля людьми приносила немалые прибыли; на невольничьем рынке за хорошего раба, особенно если он был белокожим, можно было выручить до нескольких сотен золотых динаров! А если товар вдруг оказывался «подпорчен», то приходилось идти на всяческие хитрости, чтобы продать его подороже: рабыням подкрашивали глаза, румянили щёки, завивали прямые волосы, выводили с кожи рубцы и бородавки. Короткие волосы делали длиннее, привязывая к их кончикам волосы того же цвета, зубы отбеливали древесным углем с толчёной солью. Порой хитрым торговцам удавалось даже продать вместо молоденькой обольстительной девушки одетого в женское платье мальчика!

С утра до вечера не смолкал шум на базарном месте. И купцы сидели в своих лавках, продавая и покупая, отдавая и получая, уступая при оценке и сбавляя стоимость, идя людям навстречу в том, чего они желали, и говоря то, что они хотели. И все ходили к ним и покупали их товары и ткани: и мудрецы, восхваляемые за их знания и суждения; и свидетели, дающие подписи под условием и соглашением; и имамы в мечетях, и проповедники, и муфтии, отвечающие на вопросы; и богословы, судящие о мнениях верно или неверно; и спорщики, обсуждающие предание или толкующие о древнем и новом; и праведники, известные набожностью и благочестием. Не чуждались их и витязи, доблестные в бою и сече, и лучники, и копьеносцы, и бойцы на мечех; и кочевники, и горожане, и оседлые жители, и странники. И бывали там и первые, и последние; и те, что шепчут тайком или возглашают явно; и арабы и не арабы; и овцепасы, и верблюжатники; и имеющие приют, и бездомные; и жители городов и степей; и владельцы домов и строений; и мореходы, и путешественники, бродящие по пустыням и степям. И брали они, и давали, и повсюду раздавались крики: «Продай!» – «Купил!»

И обо всём этом знал старик. И всё это, и даже больше, страстно желал узнать пытливый ум молодого принца. Было нечто общее между этими двумя столь разными людьми, неравными как по возрасту, так и по происхождению. Хотя именно в происхождении они и могли считаться чем-то равными. Каждый из них был по-своему отмечен при рождении и мог считаться чужим среди своих. Мать Абдаллаха была бесправной невольницей, дочерью поверженного персидского повстанца. Она умерла вскоре после его рождения, и он остался совсем один в большой королевской семье, где многие из почтенных родственников видели в нём лишь досадное исключение из стройных рядов благословенной богом династии.

Он родился в тот самый день, когда его отец, великий Гарун Аль-Рашид, взошел на престол. Это был знак. Он тоже будет халифом. Может быть, не сразу, но знаки никогда не лгут. Но почему он рождён править? Его назначение и долг – быть властелином, запрещать и поведывать, отнимать и награждать, вести войны, усмирять врагов, поощрять подданных. А он хотел бы увидеть те волшебные страны, побывать на самом краю мира. И вернуться обратно. Познать мудрость древних и, возможно, оставить назидания потомкам. Но быть властелином – значит быть подневольным. Звёзды предсказали ему другую судьбу, и он должен будет смириться. Как говорил учитель:

– Занятия людей делятся на четыре разряда: властвование, торговля, земледелие и ремёсла. Властвующему приличествует совершенное умение управлять и безошибочная проныцательность, ибо власть – есть стержень благополучия в здешней жизни, она есть путь к жизни будущей. Аллах великий предназначил жизнь для рабов своих, подобно запасам для путника, помогающим достичь цели. И надлежит всякому человеку брать от неё в той мере, чтобы приблизиться к Аллаху, и не следовать в этом своей душе и страстям. И если бы люди брали от благ мира по справедливости, то, наверное, прекратились бы распри; но люди захватывают их насилием, следуя своим страстям, так возникают из увлечений их тяжбы. И нужен им поэтому властитель, чтобы устраивал он справедливость между ними и устраивал их дела. И если бы царь не удерживал людей друг от друга, то сильный одолел бы слабого...

Но мысли принца были сейчас о другом:

– Что там на небе, Учитель?

– Всего лишь звёзды... Поэты скажут, что они созданы для услады глаз, путник в пустыне найдёт по ним дорогу, а знающему человеку ничего не стоит открыть с их помощью любые тайны мироздания. Двенадцать созвездий делят купол неба на двенадцать равных наделов. Зная законы расположения звёзд, путём несложных вычислений, можно узнать расстояния, неподвластные обычному измерению. Ещё в древности ученые люди уже знали, как при помощи всего лишь одной звезды узнать протяженность всех морей и земель. Это можно было бы назвать чудом, но, воистину, нет чуда, для которого пылливый ум не нашел бы разгадки!

– Есть ли в мире ещё чудеса?

– Их много. Я расскажу тебе о чудесах, что не видывал свет. Наш мир, который мы знаем, имеет пределы. Греки, жившие до нас, называли его Ойкумена. Человек в силах обойти его, сколь бы он ни был велик. Но есть и граница обитаемого мира, за которой начинаются неизвестные земли и где не бывал никто. А если и бывал, то никогда не возвращался... Там, на западе, где проходит граница земли, начинается великий океан. Воды его темны, ветры неистовы, и там почти всегда царит мрак. Это то, что касается воды. Если же идти на север, через моря и горы, то откроются обширные земли, где в непроходимых лесах люди поклоняются идолам, и снег покрывает землю на долгие месяцы. А если хватит смелости пойти ещё дальше, то на самом краю земли ты увидишь огромную белую пустыню. Там нет ничего, кроме льда и снега. Солнце там однажды пропадает с неба, и наступает бесконечная ночь. А когда ночь проходит – наступает бесконечный день, и солнце совсем не сходит с неба!

– Но разве такое возможно? Неужели день или ночь могут длиться бесконечно?

– На краю земли всё возможно... Моя мать рассказывала мне о тех краях. Где-то там, на севере, среди лесов, была её родина, откуда ещё ребёнком она попала в неволю и, после долгих скитаний, была продана иудеям, а затем и ко двору халифа. Такова была воля Всевышнего...

Старик подкинул веток в костёр, тьма отступила, и холод ледяной пустыни был уже не так страшен. И он продолжил:

– Если мы обратимся на юг, то между горами на востоке и пустынями Аль-Магриба на западе лежит страна, в которой только пески и скалы. Забытое, бесплодное место, высушенное ветрами, совсем непригодное для жизни, если бы не река, которая течёт неизвестно откуда. Она наполняет живительной влагой те пустынные пределы и дает начало людям, что издавна селились по её берегам. Когда-то там правили великие цари, страна и народ процветали. Эти люди были сведущи в науках и искусствах, они научились управлять силой реки и брать от неё то, что она им давала. Река давала им жизнь, но, как и любящая мать, не отпускала их от себя. Тысячи лет они жили на одном месте. Наверное, это и привело их к гибели. Ограниченные в общении с внешним миром и другими народами, они были предоставлены сами себе. С каждым поколением их силы угасали, и вскоре чужеземцы вторглись к ним с севера и с юга, разрушили их города и осквернили гробницы. Постепенно они были забыты... Сначала персы, потом греки и римляне правили этой землёю. Сегодня это владения халифа.

Недалеко от того места, где река распадается на множество рукавов, прежде чем впасть в Бахр Аль-Рум¹², на самом краю пустыни, стоят Великие каменные горы. Я обошел Хинд, Синд и все города Магриба, я видел почти весь обитаемый мир, но нигде, ни на одной земле, я не встречал ничего подобного им по величине и по совершенству...

Посох учителя чертил на песке фигуру – сначала линия прошла справа налево, потом повернула назад и вверх, снова повернула вниз и вернулась туда же, откуда и началась.

¹² Средиземное море.

– Треугольник?

– Да, каждая из них как огромный треугольник, строго выверенный по звёздам с поразительной точностью. Эти горы стоят там уже тысячи лет, но никто не знает, кто и когда их построил. Снаружи их покрывают белые каменные плиты, которые на солнце ослепительно сияют, как огромные языки пламени. Греки их так и называли – «пирамиды» – языки пламени. Искусство, с которым они сложены, достойно восхищения и превосходит всякое описание. А размеры их столь велики, что стрела, выпущенная с вершины, едва ли долетит до подножия. А ещё мудрецы говорят, что они не отбрасывают тени...

– Но всё, что есть под солнцем, должно отбрасывать тень! Кто же тогда их построил?

– Не знаю, мой мальчик. Когда-то они ушли с этой земли. Исчезли. Наши мудрецы ничего не знают об этом. Их язык давно забыт, а письмена столь странны и непонятны, что никто не может прочесть ни единого слова. Я и представить себе не могу, что это были за люди и каким они обладали знанием. Тайну свою они унесли с собой. Порой мне кажется, что это не могли сотворить люди из живущих...

– Если не люди, то кто?

Старик не ответил. Он только задумчиво посмотрел на тёмное небо, как будто бы там был ответ на этот вопрос. Высоко в ночном небе среди бесчисленной россыпи миллиардов мерцающих звёзд вдруг сорвалась и помчалась вниз почти незаметная глазу маленькая яркая точка. Говорят, что каждая падающая звезда – это джинн, замысливший пробраться на первое из семи небес, и которого ангелы прогнали от золотой небесной тверди. Джинны, созданные из огня за тысячи лет до Адама, могли бы знать ответ на этот вопрос, да и на многие другие, но не каждый из людей мог рассчитывать на их благосклонность и откровение.

Старик вновь ткнул посохом в песок, и рядом с первой пирамидой появилась вторая:

– Одна из этих гор выше других в размерах и великолепии, и нет на лице Земли ей подобной по прочности, искусству постройки и высоте. И древние говорили, что внутри неё тридцать кладовых из разноцветного кремня, наполненных дорогими камнями, обильными богатствами, диковинными изображениями и роскошным оружием, которое смазано жиром, приготовленным с мудростью, и не заржавеет до дня воскресения. И там есть стекло, которое свертывается и не ломается, и разные целебные воды и зелья. А во второй пирамиде – рассказы о волхвах, написанные на досках из кремня, – для каждого мудреца доска из досок мудрости – и начертаны на этой доске его диковинные дела и поступки, а на стенах изображения людей, словно идола, которые исполняют руками все ремесла, и сидят они на скамеечках...

Сердце у Абдаллаха готово было выскочить из груди – вот это чудо так чудо! Настоящие рукотворные горы, хранящие в себе богатства и тайны древних! Он живо представил себе огромные каменные книги, исписанные загадочными письменами, свирепых джиннов, охраняющих вход в эти сокровищницы, и массивные каменные двери с потайными замками.

– Но как это можно увидеть? Есть ли вход в те кладовые?

– Конечно, он есть. Но древние не хотели, чтобы кто-либо нарушил покой этого места. Они возвели на пути к нему большие преграды. Но это были всего лишь преграды, возведённые человеком. И если нашлись одни руки, которые смогли их устроить, то всегда найдутся другие, которые смогут их и разрушить...

– Значит... Можно попасть туда внутрь?

Посох учителя продолжал чертить линии на песке. Вверх, вниз, прямо. Пока не остановился на одной точке:

– Вот здесь, среди плит, мы и нашли вход...

Так что же мы ищем?

– Так что же мы ищем? – Виктор с непониманием смотрел на Джона. – Если вы утверждаете, что там ничего нет...

– Там нет того, чего ищут все. И, возможно, никогда и не было... – Джон сделал паузу и окинул притихшую аудиторию таинственным взглядом. – А мы будем искать то, что, возможно, появилось в ней позже. То, что могло бы появиться в пирамиде за период времени в несколько тысячелетий уже после эпохи фараонов. Нечто такое, что было помещено внутрь неё с целью обеспечить одновременно и сохранность, и доступность этого предмета. Представьте себе – что, если кому-то в голову пришла идея использовать Великую Пирамиду в качестве сверхнадежного банковского сейфа, с той лишь разницей, что дверь в него всегда будет открыта? То есть – спрятанный предмет будет как бы у всех на виду, но в то же время под надёжной защитой миллионов тонн камня!

– Хочешь спрятать понадежнее – положи на самое видное место? – Виктор был впечатлён таким неожиданным поворотом сюжета.

– Вот именно! Именно так, чтобы всем было видно! И – более того! – об этом месте все должны знать, говорить, а ещё лучше – да, да, намного лучше! – если туда даже будут снаряжать экспедиции с целью поиска сокровищ! Согласитесь, весьма дерзкая и неожиданная идея!

С Джоном трудно было не согласиться. Устраивать тайник в таком месте, где его и так все давно ищут – это было в высшей степени неожиданно!

– Я уже касался темы сокровищ и более чем уверен, что их или не было вообще, или же они исчезли ещё в глубокой древности. Предположим, что строители пирамиды преследовали цель защитить мумию фараона и его сокровища от грабителей последующих столетий. Эта цель была достигнута, но лишь отчасти. Мы уже никогда не узнаем точно, когда и кем, но факт остаётся фактом – пирамида всё-таки была вскрыта и разграблена. Будь она хоть в три раза выше, рано или поздно людская страсть к наживе проделала бы в ней пролом. Любую дверь можно сломать, любую стену можно разобрать. А человек всё-таки очень упрямое создание! И чем выше перед ним препятствие, чем толще и крепче стены, тем сильнее он бросается на их преодоление.

Поэтому всё, что было с пирамидой, уже давно случилось. В истории Египта известны весьма продолжительные времена упадка, сотни лет так называемых «переходных периодов» между династиями, когда в стране царил безвластие, разрушались храмы, осквернялись гробницы. Неоднократно за тысячи лет в Египет вторгались завоеватели, которые, понятное дело, не испытывали ни малейшего уважения к памятникам старины и чужим могилам. Им вполне было под силу осуществить любые работы по взлому пирамиды руками самих же подневольных египтян. Так, по-моему, и говорится в одной из более поздних хроник: «Когда вынесли из гробниц тела царей...» Будем реалистами – нет смысла искать сокровища фараонов, пирамиды были разграблены ещё в древности. Более реальная цель – последующие периоды времени.

Джон, казалось, несколько не устал после своей длительной лекции. Его глаза блестели, ворот рубашки намок, он уже не мог устоять на одном месте и быстро мерил комнату шагами. Сейчас в нём проглядывали черты двух совершенно разных людей: один из них был похож на благочинного профессора истории, стоящего на пороге важного открытия, другой представлял из себя авантюриста, делающего последние шаги на пути к тайнику с сокровищами. Он плеснул себе ещё из бутылки и снова принялся очаровывать своих слушателей:

– Итак, мы имеем дело с отрезком времени длиною в несколько тысячелетий. Но позвольте мне начать с событий, имевших место всего лишь несколько лет назад...

В апреле 2003 года передовые отряды американской армии вступили в Багдад. Пока счастливые победители были заняты разрушением монумента Саддаму Хусейну на одной из центральных площадей города, предприимчивые люди грабили под шумок национальный музей Ирака. В течение последующих дней были также разграблены и сожжены архивы и библиотеки. Многие бесценные экспонаты и рукописи пропали безвозвратно. Неоднократно высказывались предположения, что это было сделано далеко не случайно. Якобы какие-то могущественные коллекционеры, воспользовавшись ситуацией, спланировали и организовали ограбление музея с целью похищения определённых бесценных экспонатов...

Честно говоря, я как-то слабо представляю себе тайную сходку неких «могущественных ценителей искусства» с криминальным миром Багдада. Для этого, уж извините, надо иметь немало воображения. Как человек, во многих отношениях стоящий между этими двумя мирами, я более склонен думать, что имело место банальное воровство по случаю и типичное для военного времени мародёрство. Если же кто-то хочет верить в теорию заговора, ну да бога ради... Как только где-нибудь начинается разброд и беспорядок, так тут же на поверхность всплывает определенный тип людей, который не прочь воспользоваться ситуацией и погреть на этом руки. Поверьте мне, мы ещё неоднократно станем свидетелями подобных «ночей в музее»...

Украдено было столько всего, что эти артефакты до сих пор возглавляют составленный ФБР список наиболее разыскиваемых произведений искусства. Как это часто бывает в таких делах, действительно ценные вещи, настоящие шедевры, исчезают бесследно и искать их бесполезно. Но большинство из украденного рано или поздно всплывает на аукционах и в частных коллекциях. Этот случай не был исключением – в последующие годы на аукционах по всему миру во множестве стали появляться предметы с тёмным прошлым, явно с багдадским следом. Наиболее яркие экземпляры тут же были сняты с продажи и возвращены, но много чего успели продать по незнанию или по невнимательности. А ведь ещё в числе прочего пропала масса вещей, не включенных в музейные каталоги, отследить которые было вообще невозможно!

Несколько лет назад на одном из европейских аукционов за символическую сумму в пару сотен евро был куплен манускрипт, датируемый примерно 17 веком. Какими путями и через какие руки он попал на торги, нам неизвестно. Однако, к счастью, никто из его бывших владельцев и сотрудников торгового дома не придал значения пожелтевшим листкам бумаги и не удосужился провести компетентную экспертизу. Скорее всего, после беглого ознакомления с текстом, они решили, что это всего лишь вольное изложение одной из арабских сказок. Ну кому нужны сказки в наши дни? Какие-то заметки от руки, автор неизвестен, датировка приблизительно, исторической и художественной ценности текст не имеет. Хорошо, если вообще не подделка или имитация. А раз так, то и нет оснований для запросов и дополнительных проверок. Лот значился как «Отрывок из сказаний», и был продан с первого предложения. Однако после внимательного прочтения оказалось, что в основе текста лежит другой, гораздо более древний источник...

Я позволю себе пока воздержаться от непосредственного пересказа документа – сначала нам необходимо представить, о каком времени будет идти речь. Точной даты у документа, разумеется, нет. Можно только предположительно отнести его к определённому периоду по наличию в тексте ряда персидских слов, имевших употребление в те годы, и терминов, характерных для того времени.

События, о которых рассказывалось в документе, происходили в период правления арабских халифов из династии Аббасидов. В начале девятого века нашей эры под их властью оказалась значительная часть цивилизованного мира от пустынь Северной Африки до гор Индии, от Хинда до Магриба, как говорили сами арабы. Это был период наивысшего расцвета халифата – та вершина, пик могущества, которые когда-либо достигал в своём развитии арабский мир, опираясь только на собственные силы и ещё не имея в своём распоряжении таких источ-

ников благосостояния, как нефтяные и газовые скважины. Подобно Вавилону, Афинам и Риму в предшествующие столетия, Багдад на какое-то время стал центром новой мировой империи, которой, всё же, суждено было угаснуть, впрочем, как и любой другой империи в истории мира. История просто в очередной раз показала, что все её повороты предсказуемы и очевидны.

Но вернёмся к нашей сказке. Документ, конечно же, не мог быть подлинником того времени, о котором идёт речь. Сотрудники торгового дома нисколько не ошибались, отказывая ему в исторической ценности. Несмотря на то, что халифат Аббасидов произвёл на свет великое множество документов от бюрократических циркуляров до художественных и научных произведений, к превеликому сожалению, почти все они погибли в последующих потрясениях. Именно тогда на смену папирусу в употребление вошла бумага, но и ей не суждено было сохраниться до наших дней. Когда в 1258 году монголы захватили Багдад, они выбросили в Тигр все найденные в городе книги. Говорят, что воды Тигра ещё долгое время текли чернилами. Поэтому, можно предположить, что наш документ сохранился только благодаря более поздней копии, воссозданной по следам утерянного оригинала.

Я затрудняюсь дословно пересказать вам сюжет. Документ нельзя назвать законченным рассказом; это скорее отрывок без начала и без конца, многое изложено витиевато и непонятно; стиль, понятное дело, не документальный, а нечто среднее между сказкой и собственными мыслями рассказчика о происходящем. Если отбросить многочисленные воздаяния хвалы Всевышнему, без которых не обходится ни одно арабское повествование, устное или письменное, то получится примерно так:

«Долог и труден был наш путь на юг. Мы пробыли в отсутствии дольше, чем требовало расстояние пути, а ехали мы уже почти сорок дней. Как вдруг наступила ночь, и из пустыни на нас подул свирепый ветер. Он поднял из песка высокие волны, и бились они друг о друга. И мы отчаялись в жизни, и нас покрыл густой мрак, и я воскликнул: «Не достоин похвалы подвергающийся опасности, даже если он и спасётся!» И мы стали взывать к Аллаху великому и умолять его, а ветер всё дул против нас, и песчаные волны бились, пока не показалась заря, и тогда ветер стих, и пески успокоились, а потом засияло солнце. Но погонщик перестал узнавать дорогу, и послал тогда наш господин человека на высокий холм, чтобы смог увидеть он для нас пути. И влез он на гребень холма, и посмотрел, и сказал нам: «Справа и слева я вижу только пески и камни, позади я не вижу наших следов, ибо занесло их ветром, а далеко впереди я вижу высокие каменные горы.»

И, услышав слова дозорного, погонщик ударил своей чалмой о землю, стал рвать себе бороду и воскликнул: «Знайте же, что все мы погибли, и никто из нас не спасётся!» И он принялся плакать, и мы заплакали о себе, а наш господин сказал: «О, ведущий каравана, расскажи мне, что там видел дозорный.» – «Знай, о, господин мой, – отвечал караванщик, – что мы сбились с дороги в тот день, когда против нас поднялись ветры, и мы заблудились в пустыне, а с того дня прошел уже двадцать один день, и нет для нас на небе звезды, которая указала бы нам путь туда, куда мы направляемся. А завтра к концу дня мы достигнем тех гор (а нас насильно влечёт к их подножию), и обрушатся на наши головы их тяжёлые камни, так как Аллах великий вложил в те горы великую тайну, что недозволено знать никому из сынов Адама. А в той горе много камня, а сколько – знает только Аллах великий; и с древних времён об эту гору разбиваются все дожди и ветры. И вблизи той горы стоит купол из желтой меди, утверждённый на десяти столбах, а на куполе находится всадник и конь из меди, а у этого всадника в руке медное копьё, и на груди его свинцовая доска, на которой вырезаны имена и заклинания. И губит людей именно всадник, сидящий на этом коне, и освобождение только тогда наступит, когда всадник упадёт с коня».

Потом караванщик заплакал горьким плачем, и мы убедились, что погибает несомненно, и каждый из нас простился со своими друзьями и сделал завещание на случай, если они спа-

сутся. Но наш господин не боялся и приказал нам идти к этой горе, ибо было в его мыслях узнать её тайну. И мы не заснули в эту ночь, а когда настало утро, мы отправились к той горе. Но прошел весь день, а мы всё кружили вокруг горы и не могли приблизиться к ней, так как размеры её были весьма велики, и зрение обманывало нас в расстоянии до неё. И некоторые из нас пропали в пути, не дойдя до места, а другие спаслись. Но те, что спаслись, не знали друг о друге, так как тьма и ветер разнесли их по разные стороны. Вот что было с нами, когда господин приказал нам идти на юг...

Но ещё труднее оказалась наша работа у каменных гор. Господин заставил нас работать без сна и отдыха, чтобы отворить горы. И руки наши утомились, и плечи устали. Спасаясь от песчаной бури, мы укрылись в могиле древних, что построили эти горы при начале времён. Старший из нас вознёс хвалу Всевышнему за спасение. Он сказал: «Мы избежали бури, но не избавились от страха перед демонами.» Он попросил у Всевышнего милости и защиты от джиннов, живущих в недрах каменных гор.

Среди нас был один ученый человек, сведущий в древних языках и обычаях. Он прочитал нам имя хозяина усыпальницы. Это было имя начальника жрецов Персенебу – «Того, которого знал лично царь». Его изваяние сохранилось нетронутым, ровно как и статуя его жены. А на стене яркими красками была изображена его дочь с цветком лотоса в руках. Многие из нас в ту ночь услышали во сне голос, сказавший, что сделанное нами принесёт только беды. Когда же настало утро, и буря утихла, то, выйдя из гробницы, мы закрыли вход в неё, чтобы наши страхи остались в ней навсегда. Мы также осмелились просить нашего господина закрыть и сделанный нами проход в тело каменной горы, чтобы джинны из этой горы не преследовали нас по следу, но повелитель был непреклонен. И этот знак запомнился мне тогда...»

– Вот здесь и был начертан этот символ – квадрат в треугольнике. – пояснил Джон и продолжил:

«И снова мрак окутал небо, и среди гор поднялись песчаные столбы и вихри. Погонщик просил господина: «О, тот, кто заслуживает доверия! Сделай так, чтобы камень на твоей руке указал нам дорогу! Пусть его свет разгонит тьму ночи!» Но господин произнёс слова: «Камень сделал своё дело и должен исчезнуть...», и мы отправились в путь, находя дорогу лишь по редким звездам... Те из нас, что сбились с пути, присоединились к тем, кто уже лежал в гробницах. А что до меня, то Аллах великий спас меня, так как ему угодны были мои несчастья, пытки и испытания, и я сел на верблюда и нашел дорогу, ведущую прочь от этих гор, и поспешил уйти от них. И тогда я произнёс имя Аллаха великого...»

Джон отложил в сторону свой блокнот и протёр очки.

– Ну вот, собственно, и всё! На этом повествование обрывается, и мы так и не узнаем, что же случилось с рассказчиком, – сумел ли он добраться до обитаемых мест на своём верблюде, или же пески пустыни поглотили его без остатка. Что скажете?

– Уж больно всё напыщенно и витиевато. Это действительно какая-то сказка!

– Неудивительно. Особенность арабских документальных источников как раз и заключается в том, что они во многом поэтичны и иносказательны. Если бы не эти поэмы и предания, то многие события тех времен были бы нам вообще неизвестны. Где в средневековых западных хрониках вы найдёте такое же обильное поэтическое цитирование, как в арабских документах? Да нигде. А здесь, на Востоке, даже серьёзное официальное повествование нередко может называться, к примеру, «Жемчужное ожерелье событий», «Символ счастья и славы» или же «Блеск метеора» Но наш документ, разумеется, есть сказка. Все эти байки о печени кита и о роге дьявола, всадник на медном куполе, джинны из горы, сорок дней скитаний по пустыне... Сорок – вообще характерная для Востока цифра. Если разбойников, то сорок.

Если война, то длиться она будет сорок лет, ни больше и ни меньше. Что ещё вы хотели от сказки? Можно было бы спокойно о ней забыть, если бы не одно, внезапно обнаруженное обстоятельство...

Человек по имени Персенебу, о котором есть упоминание в документе, действительно существовал, и его гробница и сейчас расположена невдалеке от пирамиды! Вот только открыта она была намного позже – через несколько лет после того, как на аукционе был продан этот документ! До этого гробница была совершенно неизвестна! И в ней есть и имя «Того, кого лично знал царь», и эти рисунки на стенах, и дочь Персенебу с цветком лотоса... Поразительно! Ведь всё это было скрыто в толще скалы до недавнего времени! А это означает, что наш документ никак не может быть выдумкой или подделкой! Его автор действительно провёл ночь в той скальной гробнице тысячу двести лет назад в поисках убежища от песчаной бури. Пусть изложение событий и грешит некоторым перебором, но это скорее претензии к стилю. А вот угадать или выдумать такие подробности рассказчик никак не мог – он действительно был там! А раз так, то мы можем с определённым доверием отнестись и ко всему документу в целом.

И тут наша сказка стала принимать вполне реальные очертания. Обнаружилось много чего интересного. Для выяснения всех обстоятельств пришлось изучить массу документальных источников, прежде чем стало понятно, какая тайна скрывается между этих строк.

Здесь, джентльмены, нам предстоит познакомиться с основным действующим лицом во всей этой истории, если можно так сказать, – с нашим главным героем, тем самым господином, который возложил на своих подданных нелёгкую задачу по открытию каменных гор...

Джон умел делать паузы в нужном месте. Как ловкий фокусник, дразнящий публику ожиданием чуда, он тонко чувствовал настроение аудитории и не торопился вытаскивать кролика из шляпы. И хотя вся аудитория состояла из одного только Виктора, казалось, что ему не составило бы никакого труда держать в напряжении и целые толпы слушателей. Виктор сгорал от нетерпения узнать, кто же сейчас явится перед ним в качестве главного персонажа, что это будет за человек и каково будет его имя. Доведя паузу до состояния высшей степени загадочности и неопределённости, Джон лукаво прищурился и продолжил свой рассказ:

– Уверен, что имя, которое я сейчас назову, не скажет вам абсолютно ни о чём. В отличие от Наполеона или Александра Македонского, этот человек не удостоился чести попасть на страницы учебников истории. Его имя и дела известны, пожалуй, только узкому кругу историков-востоковедов. А поскольку с недавних пор я почти что историк, – рассмеялся Джон, – то и возьму на себя смелость представить вам эту незаурядную личность.

Итак – Абдаллах Аль-Мамун, седьмой халиф из династии Аббасидов. Повелитель правоверных, реформатор, политик, покровитель наук, ценитель искусств, а также жестокий и беспощадный правитель, не пощадивший даже собственного брата на пути к власти. На первый взгляд – типичный портрет деспотичного правителя, дошедший до нас из глубины веков; этаким образованным, но в то же время коварным и вероломным восточным царём, персонажем из сказок «Тысячи и одной ночи». Тут мы, кстати, нисколько не ошиблись: и он сам, и его брат Аль-Амин, и его отец, прославленный халиф Гарун Аль-Рашид, стали героями нескольких занимательных рассказов в сборнике «Тысячи и одной ночи». Такое уж тогда было время – люди больше, чем сейчас, верили в сказки... Многие события из его жизни нам, европейцам, живущим в двадцать первом веке, будет трудно или даже невозможно понять. Это не только тысяча двести лет, разделяющих нас по времени, но и совершенно другая культура, религия, восприятие мира. Труднее нам ещё и оттого, что мы уж слишком очарованы тем таинственным покровом сказки, небрежно накинутым рукою последующих поколений на всё то блистательное время, когда посреди песков возникали шумные города; утопающие в роскоши дворцы были средоточием богатства и славы; а вдали от посторонних глаз, в тени гарема, плелись изысканные и коварные интриги...

Тишина багдадской ночи, благородные халифы и мудрые визири, тусклый свет медной лампы, невероятные похождения Синдбада – всё это было, конечно же, только на страницах книги. В повседневной реальности, которая случается порой куда более изощрённое любой сказки, всё обстояло намного прозаичнее и приземлённее. Для рядового жителя Багдада, пережёсшего целый год осады и невиданные разрушения города во времена «Войны между братьев», деяния халифов представлялись куда менее возвышенными и благородными.

Если отбросить романтический образ мудрого и просвещённого правителя, воспетый на страницах «Тысячи и одной ночи», то мы увидим, что все двадцать лет правления Аль-Мамуна были сплошной чередой военных походов и карательных экспедиций. Волнения и мятежи были обычным явлением для тех дней. Беспокойные соседи, внутренние враги, религиозные противоречия – всё это требовало жёсткой абсолютной власти. Используя эту власть, ему удалось вновь объединить арабский халифат, расколотый надвое гражданской войной. Войной, в которой ему пришлось противостоять собственному брату, Аль-Амину. Хотел он того или нет, но даже смерть его брата не положила конец противостоянию. Должны были пройти ещё долгие годы, прежде чем мир снова воцарился в Багдаде. Покончив с войной, он направил свои силы на возвращение империи былого могущества. Завоевательные походы арабов к тому времени уже давно прекратились, и Аль-Мамуну с трудом удавалось сдерживать свои границы в существующих пределах. Один поход следовал за другим; на смену гражданской войне пришёл священный джихад против неверных византийцев.

Но было бы неправильно думать о нём только как о жестоком и властном самодержце, хотя и этого никак не отнять. К счастью, в его характере не было той страстной необузданности и маниакальной деспотичности, переходящих порой в бесцельную жестокость, столь свойственных многим из его современников. Скорее наоборот – в большинстве своих поступков халиф был весьма кротким и добросердечным правителем, насколько это вообще было возможно в те времена. А времена были не из лёгких. В небе господствовали ястребы, а голуби не жили долго. Взять хотя бы его прадеда, халифа Аль-Мансура, печально известного своей ужасной коллекцией мумифицированных тел. После смерти основателя династии в комнате, ключ от которой он всегда носил с собой, обнаружился целый склад из высушенных тел его заклятых врагов – алидов¹³. Поражает даже не сама чудовищность деяния, а системный подход к истреблению – у каждого трупа, от старика до младенца, в ухе была табличка с точным указанием его имени и родословной.

Среди многочисленных представителей породившей его династии, большинство из которых прославились своими дурными качествами, Аль-Мамун стоит как бы особняком, во многом благодаря выдающимся научным деяниям. «Передают также, что не было среди халифов из потомков Аль-Аббаса халифа более сведущего во всех науках, чем Аль-Мамун. И было у него каждую неделю два дня, когда он устраивал диспуты ученых, и садились в его присутствии состязаящиеся, из числа законовевдов и богословов, по разрядам и чинам. . . » Конечно же, халиф не мог быть учёным в прямом смысле этого слова, он всего лишь мудро и прозорливо покровительствовал наукам в то время, когда другие ему подобные предавались безделью или погружались в болото чувственных наслаждений. Надо было иметь твёрдый характер и подвижный ум, чтобы, обладая неограниченной силой и властью, избежать пустого времяпровождения и заставить себя проявить качества истинного властелина. Только весьма образованный и просвещённый человек мог бы оставить о себе память не только в официальной истории, но и в устных преданиях. Именно в этом качестве халиф и был прославлен в сказках «Тысячи и одной ночи», в рассказе «Про учёного человека и халифа Аль-Мамуна».

¹³ Алиды – потомки Али, зятя пророка Мухаммеда и его дочери Фатимы. С самых ранних лет существования ислама алиды, впоследствии называемые шиитами, вели борьбу за исключительное право на верховную власть представителей своего рода. В разные времена халифы то беспощадно и жестоко их преследовали, то пытались примириться, вступая в союзы. Основное противоречие, выраженное в противостоянии шиитов и суннитов, сохранилось неразрешённым до наших дней.

Его интересы были весьма разносторонними: математика, астрономия, философия. Само то время предполагало появление таких людей. В этом смысле это был поистине «золотой век» арабского халифата. Процветающий Багдад стал желанным местом для учёных и поэтов со всего Востока. В нём сумело найти себе приют и получить должную оценку наследие античной Греции, оказавшее несравненное влияние на весь средневековый мир. Ещё до прихода арабов сирийские монахи тщательно и кропотливо переводили и переписывали сочинения греческих математиков, философов и естествоиспытателей. Когда арабы потянулись к просвещению, то в первую очередь нашли себе применение медицинские знания, ради которых правоверные халифы готовы были даже допустить к себе врачей христианской веры. Почти у всех аббасидских халифов были приняты лекари-христиане, получавшие за свои труды щедрые вознаграждения. В отдельных случаях суммы доходили до миллионов – что ни говори, хороший пример взаимовыгодного сотрудничества двух религий!

И в предшествующие времена покровительство наукам и искусствам широко было принято у правителей Востока. Но выдающейся заслугой Аль-Мамуна следует признать то, что при нём получили поддержку и развитие те области знаний, которые были далеки от повседневных потребностей двора и не сулили осязаемых материальных выгод. Положим, медицина была нужна всем, а вот астрономия или математика всё ещё рассматривались как причуда или занятное упражнение для ума. Ещё более странным, если не сказать – подозрительным, казалось занятие философией, предмет которой, по понятным причинам, был не совсем одобряем в закрытом для вольномыслия набожном обществе. Открыть дорогу к изучению трудов языческих мыслителей, впервые перевести на арабский язык сочинения античных авторов – всё это могло бы осуществиться только с покровительства и при участии понимающего властелина, каким и был Абдаллах Аль-Мамун.

Но просвещение и науки уже не могли остановить процесс разложения халифата. Арабы ещё не знали, что их мир стоит почти у края пропасти. Они всё ещё принимали свою силу как доказательство правоты и избранности своих мировоззрений. Двести лет победоносного шествия ислама воплотились блистательным итогом в романтической эпохе Аль-Мамуна, на улицах процветающего Багдада, в сказаниях «Тысячи и одной ночи». Если и можно обозначить ту границу, разделяющую период расцвета и последовавший упадок, то она, без сомнений, пролегла именно в это время.

В ту эпоху сформировались многие принципы и положения исламского общества, которые действуют и поныне. Но всего лишь через пару десятков лет после смерти Аль-Мамуна империя стала ослабевать и неизбежно клониться к упадку. Зависимость последующих халифов от наёмной армии, возросшая сила тюркских военачальников и невозможность обеспечить должный порядок наследования в конце концов привели к падению династии и расколу исламского мира. Халифы стали игрушками в руках преторианцев, по воле генералов один за другим менялись они на троне. Грозное имя «Повелителя правоверных», некогда вселявшее страх на соседние народы, стало не более чем номинальным титулом, не имеющим реальной власти. Некоторым не удавалось удержаться у власти даже и дня! Воистину можно было сказать – халиф на час! Кто нашёл свою смерть в изощрённых пытках, кого ослепили, кого обезглавили, – пожалуй, те из них, которых попросту умертвили, могли бы быть по-настоящему благодарны судьбе за такое обстоятельство! Унылым и безрадостным списком проследовали они на протяжении сотни лет, повергая халифат во всё больший упадок. Вновь наступили времена войны каждого против всех, времена заговоров, переворотов и жестокой борьбы за власть.

Это было не только падение правящего дома, но и начало разделения некогда единой веры на два конфликтующих течения. Ислам уже не был столь единым, как во времена Пророка, – шииты и сунниты окончательно вступили на путь вековых противоречий, отдалённые последствия которых мы и сейчас можем наблюдать на улицах Багдада. Пройдёт ещё сотня лет – и враждующие партии окончательно расселятся по отдельным городским кварта-

лам и на время затаят свою неприязнь, вплоть до сегодняшних дней. Наш герой и в самых страшных снах не мог бы предположить, что будет твориться в его столице через тысячу двести лет! Опясаные взрывчаткой смертники, взорванные машины, десятки, сотни погибших людей ежедневно!

Вы только подумайте – каково изошрённое постоянство истории! Прошла тысяча лет – и ровным счётом ничего не изменилось на улицах этого города! Всё та же кровь и насилие, горящие дома, осаждённые кварталы, и на фоне этого – жалкие попытки ничего не понимающих американцев насадить демократию там, где тысячи лет не знали ничего другого, кроме жестокого деспотичного правления. Но сейчас дела обстоят даже намного хуже, чем это было при халифах. Если тогда в своих междоусобных войнах и персы, и арабы, и шииты, и сунниты были предоставлены сами себе, то сегодня чуть ли не весь современный мир в той или иной мере оказался вовлечённым в этот древний круговорот кипящих страстей, в котором самым причудливым образом переплелись и экономика, и политика, и религия. Слишком велики интересы разных сторон, слишком многое поставлено на карту, и слишком велик соблазн вернуть себе то былое величие, отблеск которого вдруг так внезапно отразился в стекле небоскребов Дубая...

Когда-то новая религия дала арабам возможность завоевать половину цивилизованного мира, а сегодня нечто подобное доступно им посредством нефти. Но как они смогут распорядиться этим шансом и – что даже более важно – как поведёт себя жадный до этой самой нефти цивилизованный мир – вот очевидный вопрос для учебников истории будущего! Так или иначе, империя пала уже давно. Но извращённые идеи нового мирового халифата и по прошествии тысячи лет до сих пор будоражат некоторые больные умы на Востоке! Однако это уже совсем другая история. К черту политику! В конце концов, мы здесь не для этого...

Человек, о котором мы сейчас говорим, вряд ли мог предполагать или как-то повлиять на столь непредсказуемое будущее. Но в силу своего положения Аль-Мамун принимал самое деятельное участие в решении судеб своей страны и покорённых народов. Можно смело сказать, что вся жизнь нашего героя была наполнена всевозможными большими и малыми событиями, многие из которых оставили неизгладимый след в истории арабского мира.

Но для нас важен всего лишь один эпизод из его жизни. Но какой! Возможно, это одно из тех невероятных по своей сути событий, которым современники не уделяют никакого внимания, отдавая предпочтение другим, более значимым, делам и свершениям, в то время как именно эти, граничащие порой с вымыслом эпизоды, и вписывают личность в историю. Дело в том, что Аль-Мамун, как полагают многие, был тем первым человеком, который открыл путь в верхнюю часть пирамиды, куда на протяжении почти трёх с половиной тысяч лет не ступала нога человека...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.